

18+

А. Туманов

Искушение

Книга о Вечной Любви

А. Туманов
Искушение. Книга
о Вечной Любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19423851
ISBN 9785448301582

Аннотация

Эта правдивая книга о поиске Вечной Любви и о ценности человеческой Души. О женской Красоте и Обретении Той Единственной, с которой можно было бы, разделив Вечность, затеряться где-нибудь в Раю... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог. Гадкий утенок	6
Глава 1. Замануха, или Никогда не разговаривайте со свидетелями	10
Глава 2. Анаконда	23
Глава 3. Барби	30
Глава 4. Лилит	40
Глава 5. Встреча с союзником	57
Глава 6. Лука	76
Глава 7. Писающая Ксения	92
Глава 8. С Евой в раю	101
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Искушение

Книга о Вечной Любви

А. Туманов

[Моей Диане посвящается...]

*Ты знаешь все, что надо знать,
Я знаю чуть больше, чем надо.
За мной иди в тот дивный край,
Что был Библейским Садам.
Забудь о тех, кто говорит,
Что Путь твой – разврат и паденье...
Пускай твой смех в Ночи звучит...
И Спелый Плод горит...
Дьявольски манит...
Лаская Ночь, коснись меня,
Имя тебе Искушенье...*

М. Пушкина

Иллюстратор Александр Михайлович Туманов

Корректор Ирина Лебедева

© А. Туманов, 2024

© Александр Михайлович Туманов, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4483-0158-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Гадкий утенок

*Се, гряду, как тать в ночи, скрыв Лик личиной
нищего бродяги...*

Я пришел в этот Мир тайно, поэтому кто, кроме меня, мог бы рассказать о Пришествии. Но ничто не было способно нарушить мое молчание, если бы ни Любовь...

Но обо всем по порядку.

Я появился на свет в человеческом обществе и, подобно Гадкому Утенку, разглядывающему окружавший его птичий двор, смотрел по сторонам и поражался. Никого из людей не интересовали те вопросы, которыми с детства был озадачен я.

Но в том и великолепие человеческого общества, что для изучения одинаково доступен весь диапазон людских особей как совсем юных лет, среднего возраста, так и тех, кто прожил отпущенный им срок на этой Земле. Никто из людей не был по-настоящему Счастливым и не искал в жизни Смысл.

И я стал для человечества Гадким Утенком, которого не интересовало накопление материальных благ, ибо не видел в том смысла. Смерть уравнивала всех: и бедных, и богатых. Я не находил смысла во власти, ибо вести заблудшее стадо означало становиться таким же заблудшим. Предлагаемые религии таили в себе страшную правду стремления

к накоплению материальных благ и к власти над людьми одновременно, искусно прикрытую маской служения Господу. Изучение этих «путей» обнажало неприглядный скелет их истинных мотивов.

И однажды, с тоскою глядя в Вечное Небо, я увидел двух черных, пролетающих мимо лебедей: булгаковских М и М. (Далее, по требованию наследников М А. Булгакова, любые упоминания персонажей должны быть исключены...) Я не мог описать словами, мой разум не способен был тогда определить нахлынувшие чувства, но что-то Величественное, Вечное было в движении этих черных птиц. Их Любовь отличалась от той любви, что я видел на «скотном дворе», среди окружавших меня людей, где самой высокой мерой являлись отношения, подобные отношениям Ромео и Джульетты. Внешне красивые, но мимолетные, ибо Смерть оказывалась им не по зубам. Любовь же М. и М. бросала вызов Смерти.

И Вечность притягивала ее в свои объятия. И я начал поиск своей Вечной Любви, ибо меня не устраивало распространенное условие «пока смерть не разлучит». С каким треском мои поиски разбивались о брэнную действительность! Женщин, с которыми меня сталкивала судьба, Вечная Любовь не интересовала. Мне же она была нужна как воздух. И когда я, было, думал, что никогда ее не найду, постепенно начала открываться вся Правда моей жизни. И Правда оказалась настолько невероятна и красива, что я о таком не мог

и мечтать.

И тогда я взмахнул Черными Крыльями...

Эта Книга-история моей жизни. В ней нет ни слова вымысла иль лжи, ибо пред лицом Вечности ложь теряет всякий смысл. Единственное, что я должен был сделать как джентльмен-это дать описанным в книге женщинам имена, выражающие их суть. Ибо все они реальны, и я не хочу вмешиваться в размеренный уклад их жизни. Хотя знаю, что каждая из них без труда узнает себя и, если захочет, сохранит для окружающих свое инкогнито.

Я не писатель, а это не художественный роман. Эта правдивая Книга о Поиске Той Единственной, с которой можно было бы, разделив Вечность, затеряться где-нибудь в Раю. Эта Книга о Поиске Вечной Любви являет собой Истинное проявление Духа. У Христа была Любовь, Магдалена, Мария из Магдалы. И Антихрист, как отражение Христа в Вечности и человеческом мире, Любви не избежал...

Я посвящаю ее Ей.

Т.А.М.

Бесполезно искать Смысл в случайных вещах. Но в Мире, где ничто не случайно, все наполнено смыслом до краев. Так что же делал Гадкий Утенок на птичьем дворе? Как и для чего среди домашних птиц-обывателей появился детеныш Черного лебедя?

Просто перед тем, как Вечность поглотит птичий двор, Небеса посылают туда Ангела Смерти.

Маленького Гадкого Утенка.

Глава 1. Замануха, или Никогда не разговаривайте со свидетелями

Утреннее Солнце ласкало город. Его робкие лучи тонули в испарениях воды, щедро разбрызганной поливочными машинами. На душе у меня было светло и прекрасно. Внутри нежными звуками лилась музыка. Иоганн Бах исполнял на органе свою Токкату и фугу ре минор. Казалось, Солнце, Музыка, а с ними и весь Мир омывают меня Вселенской Любовью...

Дома, в моей постели, осталась нежиться Прекрасная Незнакомка, с которой познакомился накануне, и я, намереваясь побаловать ее чем-нибудь, когда проснется, направлял свои стопы к ближайшему ларьку. Ночь, проведенная без сна, никоим образом не повлияла на состояние моего молодого организма, разве что очень хотелось пить, но я не шел, а парил над мокрым асфальтом, наслаждаясь жизнью...

Путь к вожделенному ларьку лежал через сквер, скамейки были еще пусты, а в купающихся в молодой листве кронах деревьев в изобилии чирикали городские птахи. Не понятно откуда, вдруг из кустов вынырнула невысокая женщина средних лет и перегородила мне дорогу...

Я замедлил ход, а Бах внутри меня убавил громкости и перешел на легато...

– Вы не очень торопитесь? – спросила женщина, и я заметил у нее в руках какие-то журналы, а на лице огромные очки. Толстые стекла делали глаза женщины зловеще большими. Я не успел ей ответить, как женщина слету задала мне вопрос, который я не ожидал услышать тем утром...

Это выдернуло меня из настроения легкой поэтической влюбленности. Притих даже Бах...

– Вы всем довольны в жизни? Не хотите жить в Раю?

Я полагал, что вопрос женщины будет типа «Будете здесь пить? Не выбрасывайте пустую бутылочку...»

К ответу я не был готов, потому спросил:

– Как? Прямо так?

– А вот прямо так. Иегова обо всем позаботится...

И она протянула мне брошюру, напечатанную на качественной бумаге... «**Рай на Земле возможен**», – гласил заголовок.

– Рай на Земле возможен! Вот... – уверенно провозгласила женщина, будто я не умел читать, и заглянула в мою душу огромными глазами. На развороте помещалась картинка, сюжет которой напоминал этикетку с упаковки чая, где сборщицы с любовью собирают для нас чайные листья где-то в предгорьях Шри-Ланки.

Пейзаж был наполнен яркой зеленью, на залитых солнцем лужайках паслись коровы, в воздухе кружили ласточки, парами прогуливались люди...

Пейзаж как пейзаж, но, что-то делало эту идиллию сюрреалистичной. Я тут понял, что кругом гуляли лишь старики. Причем все до единого как-то странно широко улыбались.

– Им хорошо в Раю, – прокомментировала женщина, и ее огромные глаза наполнились умилением...

– Болезни больше их не беспокоят, а счастье и радость никогда их не оставит, – продолжала она вещать.

Очевидно, замороженный качественной печатью, я неотрывно разглядывал картинку. Деревья шумели листвой, на растущие в изобилии цветы летел шмель. На переднем плане седая пожилая женщина в очках держала под руку старика и улыбалась. Затем она повернула к нему голову и скрипучим голосом спросила:

– А как твой геморрой? Больше не беспокоит?

– Уже гораздо лучше, я о нем и не вспоминаю, моя дорогая, – ответил ей дедушка.

Я случайно становился невольным свидетелем их диалога.

Улыбки на лицах стариков не исчезали ни на секунду. Поодаль, очевидно, шли похожие диалоги. Видимо, забота о здоровье, упорно вошла у этих людей в привычку за их жизнь. И теперь, в Раю, им тяжело было с ней расстаться.

Меня из моих размышлений выдернула женщина, показавшая мне картинку.

– Иегова все продумал. Хищные звери не будут в Раю есть мяса. Они будут, как и все, есть овощи и фрукты, которые в изобилии будет приносить райская земля.

Иона ткнула своим пальчиком в низ картинки.

Я глянул. Внизу сидел царь зверей лев. Ему, очевидно, некуда было идти, и он, повернув голову в сторону прекрасных далей, где паслись коровы, смотрел на них с любовью. Лев, очевидно, сам силился понять, откуда взялась эта любовь. Задумавшись, он потупил взор...

Ему еще нужно было сегодня накопать сладких корней, а тут еще сильно захотелось артишоков. Этот Лев обожал артишоки...

Мимо пролетела пчела, и Лев с любовью проводил ее задумчивым взглядом, переливая на солнце массивной гривой.

Но вдруг взгляд Льва замер. Он заметил меня и, вскочив, бросился ко мне со всей своей звериной прыти. Подбежав к краю лужайки, Лев, вскочив по-человечьи на задние лапы, начал махать мне передними, заорал что есть мочи по-английски:

– Хэлп! Хэлп!¹

Видя, что я изумленно смотрю на него, и ничем не могу помочь, он закричал по-немецки:

– Хальф! Хальф мир! Нихьт щизн!²

Старики, что улыбаясь, прогуливались рядом, не обращали на крики льва никакого внимания. Видать, они привыкли к его выходкам.

¹ – Помогите! (*англ.*)

² – Помогите! Помогите мне! Не стреляйте! (*нем.*)

Картина эта напоминала мне моряка, который, потерпев кораблекрушение, сигнализирует на всех языках проплывающим мимо. Очевидно, он долго путешествовал, так как уже кричал по-японски и на непонятном мне диалекте. Я отпрянул от картинки. Женщина, что показывала ее, пояснила:

– Мы работаем по всему миру, хотим, чтоб все люди знали про Иегову... (* организация, запрещённая на территории РФ)

– Бедный Лев, – подумал я...

Я понял, что нужно сваливать, да и пить хотелось, ведь дома меня ждала в постели красотка, остывал утренний кофе.

Я посмотрел в последний раз на картинку. Льва уже не было. Он отправился выковыривать из земли сладкие корешки и искать артишоки.

Старики молчали и, улыбаясь, куда-то шли. Очевидно, им было просто нечего сказать друг другу. Впереди их ждала толпа, состоящая, по крайней мере, из ещё как минимум ста миллиардов таких же никчемных существ, живших когда-либо на Земле... И все шли послушать откровения какого-то божка-истукана, ибо и сказать ему было-то и нечего. Слова нужны лишь для того, чтоб не сбиться в пути по дороге к конечной цели, коей и являлся этот самый пресловутый Рай. И здесь слова теряли вдруг весь смысл. Конечная цель достигнута. Вот он. Рай. А в Раю не нужны слова. В Раю разговаривать не о чем.

Оставив тетушку стоять с выпученными глазами и закупив в ларьке сока, я направился домой. Дома, в моей спальне, меня ждал мой маленький эдем...

Эта утренняя встреча в парке заставила меня серьезно задуматься. Действительно, люди не имели и малейшего представления о том, как выглядит или, возможно, как должен выглядеть Рай. А может это всего лишь мечты человечества об идеальной жизни на Земле?

Об этом предстояло серьезно подумать... «И немедленно!» – решил я, ежась, вспоминая стариков с картинки.

Никак не хотелось достигнуть Эдема в состоянии глубокого маразма.

В Раю шел Дождь. Он напITYвал райские кущи живительной влагой.

По листьям барабанили тяжелые капли. Падая, они разбивались мельчайшими брызгами. В Раю должен быть дождь. Под кущами, прислонившись спиной к дереву, сидел голый я и мок. У человека должен быть Дом. Но мой Дом остался на Земле, а здесь, кроме великолепия Природы, не было ничего. Я сидел и вспоминал, как хорошо все-таки было на Земле, где у меня была какая-то одежда и крыша над головой. Под соседним древом сидели, широко улыбаясь, голые старики. Их вид был скорее жалок, а улыбки гротескны. По обвисшим сморщенным грудям медленно стекали неров-

ные струйки воды.

Так в Раю у меня появились одежда и Дом. Мимо в такой же одежде, как у меня, к себе домой заспешила старческая чета. Одежда должна быть у всех разной, иначе это напоминало бы казарму или тюрьму, где все ходят в одинаковой робе. Возникла сразу проблема, где стирать всю эту одежду, хотя, возможно, в Раю люди не потеют? И мне сразу захотелось в баню. Но баня осталась на Земле... И я по ней тосковал. В Раю должна быть Баня, но не общая, как в казарме, не хотелось встретить тех стариков, а своя такая банька. И топить ее надо самому, это доставляет особое удовольствие.

Поэтому в Раю потеть человек должен, а значит, пачкать и стирать одежду. Появились стиральные порошки, машинки и средства, очевидно, по ним скучала какая-нибудь хозяйка. Вскоре после Бани я почувствовал легкий приступ голода.

На Земле мне доставляло удовольствие утолять голод какими-нибудь вкусностями. Стоп! Так тут все вегетарианцы... Шашлык сразу отпал. Шашлык, который замариновал своими руками из свежего мяса в молодом вине... И пиво после бани отлетело. Придется есть корешки и крапиву. Возможно, я съем корешки, а почувствую сытость как от цыпленка табака? У советского фантаста Беляева есть книга «Ариель». Попав в школу Дандарат, где у детей вырабатывали сверхспособности, главный герой, мальчик Ари-

ель, столкнулся с тем, что детей в Дандарате кормили желядями, внушая им, что они едят сочную курицу. Это был ад. И Ариель сбежал, научившись левитировать. Мне тоже не хотелось попасть в такой рай. Нет, уж в Раю я буду есть то, что захочу, а не то, что дадут в казарменной столовой раздатчики баланды, какие-нибудь апостолы. Есть еще вариант, что у меня отобьют память, и о мелких радостях, которые были у меня на Земле, я не буду помнить.

Но тогда, без памяти, я уже перестану быть собой и буду, как зомби, улыбаться, радуясь всему, как те старики. Жизненный опыт формирует сознание и личность, делая нас такими, как мы есть. Другой момент, который меня интересовал, это вопрос одиночества и совместного пребывания в Раю.

С кем разделить Вечность? Ясно, что с тем, кого Любил на Земле. Но как быть публичному человеку, которого любят миллионы? Жить со всеми по очереди? Не срасталось. Пусть твой кумир, если такой имеется, живет в Раю, с кем захочет. Захочет, будет жить с тобой... И, желательно, от родителей подальше. Ведь у родителей есть свои родители, а у тех свои... Большая семейка получается. А если все произошло от Адама с Евой, то в итоге получится, что жить придется всем вместе, всему человечеству, единой семьей...

Чем дольше я размышлял, тем больше мне становилось не по себе.

Ведь ВСЕ ЭТО УЖЕ ЕСТЬ НА ЗЕМЛЕ! Идеальная кар-

тина Рая, если ее смоделировать, УЖЕ СОЗДАНА! Но что в ней не так? Почему люди, живущие на Земле, не видят очевидных простых вещей, а многие считают жизнь на Земле адом? Что-то портило эту картину. И чтобы разобраться, я решил попытаться жить, глядя на мир так, будто уже живу в Раю. Если что-то начнет мне «резать глаза», я сразу пойму, что это.

И вскоре я начал видеть то, что никак не соответствовало картине Рая. Люди в форме. Военные. Спортсмены, *страдающие* за то, что им не дали выше всех прыгнуть на неких игрищах, названных олимпийскими... Флаги. Нелепые полотнища, которым не место в Раю. Всё это олицетворяло непомерно раздутое чувство собственной важности и разделяющее РАВНОПРАВНЫХ по сути существ на некие касты, принадлежности к народам, расам, государствам... Откуда и рос корень зла. Каждый считал себя исключительным, стоя именно под своим полотнищем. Не вдаваясь в тот факт, что деление на национальности и государства-первый шаг к нацизму. Очереди, толпы в ожидании, пробки на дорогах, границы, тюрьмы... И Страх. Страх потерять работу. В чём причина? В перенаселении. Военные для подавления толпы и защиты территорий. Из-за перенаселения. Не задумывались умы человеческие, что количество людей на планете необходимо регулировать в таких рамках, чтоб сосед был рад встрече с соседом. А не строил заборы, не производил оружие против соседа... Не строил границ. Сами грани-

цы, из-за перенаселения созданные. И, тем более, не изобретал атомную бомбу для защиты от соседей. Страх голода из-за перенаселения. Очереди из-за перенаселения, пробки... Даже Смерть не справлялась, перенаселение росло быстрее. Возникал страх Смерти, что костлявая завтра коснется и тебя, ибо пока ты спал, на планете появился еще миллион китайцев. И плодиться в ответ самим, чтоб дать военный отпор-это не выход. Не говоря уже об угрозе войны... Перенаселение – враг Рая номер один в планетарном масштабе. А так все прекрасно начиналось... У Создателя был светлый замысел. Но действовать нужно было от обратного. Сначала на планете поселяются две особи человека. Им нечего бояться, им не нужно производить оружие, чтоб защищаться друг от друга. Планета для двоих велика. Разошлись в разные стороны... и не встретились никогда боле... Еще скучать друг по другу начнут. Дружба... А там и до Любви недалеко... Если высадить на планету 10 особей, та же картина. Никто не начал мечтать о ядерной бомбе. Дружба. Взаимовыручка. Любовь... А если тысячу человек? Тоже вряд ли что изменится. А миллиард? А вот тут уже кому-то за нехватку яблок с яблоньки проломают череп. Вывод:

Утро с Незнакомкой

НА ПЛАНЕТЕ ДОЛЖНО БЫТЬ РОВНО СТОЛЬКО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОСОБЕЙ, ЧТОБ ВСЕМ ВСЕГО ХВАТАЛО, И НИ У КОГО НЕ ВОЗНИКАЛО ДАЖЕ МЫСЛИ СОЗДАТЬ КАКОЕ-ЛИБО ОРУЖИЕ ПРОТИВ СЕБЕ ПОДОБНОГО. А ТАКЖЕ НЕ ВОЗНИКАЛО ЖЕЛАНИЯ ПРОЛОЖИТЬ ГРАНИЦЫ, ИБО НИЧТО И НИКТО НЕ ДОЛЖЕН ЧЕЛОВЕКА ОГРАНИЧИВАТЬ В СВОБОДЕ ВЫБОРА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПО ПЛАНЕТЕ.

И ещё:

ПРОИЗВОДИТЬ И ДЕРЖАТЬ В РУКАХ ОРУЖИЕ МОЖНО ПОЗВОЛИТЬ ТОЛЬКО ТОМУ, КТО НЕ МЕДЛЯ НИ СЕКУНДЫ ОТСТРЕЛИТ СЕБЕ ЯЙЦА. ВЗЯЛ В РУКИ ДРОБОВИК-ОТСТРЕЛИ СЕБЕ ЯЙЦА! ЧТОБ НЕ РАЗМНОЖАЛАСЬ ТВАРЬ В РАЮ.

ПРОИЗВОДСТВО ОРУЖИЯ НА ЗЕМЛЕ НУЖНО ЗАПРЕТИТЬ.

В размышлениях я не заметил, как уже стоял на пороге своей спальни. В постели нежно потягивалась проснувшаяся красотка, и я, налив ей сока в стакан, поделился с ней произошедшим.

– Ну, иди сюда, мой Искуситель..., – не допив, она нырнула головой под подушку...

Точно! До меня тогда дошло... Вот кого не хватало в старческом раю и в Идее Мироздания. Вот кого, если бы не существовало, Создатель обязан был придумать...

ЗМЕЙ ИСКУСИТЕЛЬ... родненький, как не хватало нам тебя...

И тут от восторга мне пришла на ум фраза, которая претендовала на то, чтобы стать бессмертной...

Разом, забыв о красоте, я кинулся ее записать.

ЗМИЙ ИСКУСИТЕЛЬ – РАЯ СПАСИТЕЛЬ .

В моем Раю становилось интересней...

Лев с картинки вздохнул с облегчением и мне подмигнул. Периферийным зрением он уже заметил на горизонте пасущуюся корову...

Глава 2. Анаконда

Следующая моя история имеет не столь эротический, сколь эзотерический смысл. Я был безусым юношей, не вкусившим еще всей Радости и полноты Бытия...

Итак, начиналось лето 1994 года...

Река пьянящей Любви струилась под нашими крыльями теплым июньским утром Подмосковья. Мне давно нравилась одна девушка, и я, наконец, осмелился пригласить ее с ночевкой в лес. Мы намеревались провести незабываемые три дня в одном из райских уголков природы. Договорившись встретиться с ней утром на платформе электропоездов, я, вооруженный нехитрой туристической утварью и старой палаткой, ждал ее на пустом перроне...

Утренний воздух был пронизан духом Свободы, и, пропитанный запахом приключений, наполнял легкие восторгом и радостью Бытия.

– Она не придет, уехала с родителями на дачу, – раздался сзади негромкий девичий голос.

Я обернулся и увидел хрупкую невысокую девушку, рядом с ней стоял парень с сумками...

– Я ее подруга, меня Леной звать, а это мой муж, нас она тоже пригласила, а утром позвонила, сказала не придет...

– Ну, тогда вперед, – расстроено выдохнул я...

Очевидно, парень уловил в моем голосе нотки разочаро-

вания и поспешил «успокоить», что у них есть две бутылки лимонной водки. Я совсем поник: то, что начиналось так романтически, обещало превратиться в банальную попойку моих спутников. Но подошедшая электричка отвлекла мои пессимистические мысли...

В окне мелькали поселки цвета молодой травы в конце весны и деревья, выкупанные в чистом ветре. Все это было узорчатой тканью начинающегося лета, а для нас – тканью приключения. Мы проехали Сергиев Посад и после еще двух часов езды на сельском автобус углубились в Лес...

Мы не знали, куда точно мы идем, впрочем, нам было все равно. На маленькой полянке, с трех сторон которой извилялся лесной ручей, мы решили разбить палатку. Место было сказочным, небо лишь маленькими клочками просвечивалось сквозь раскинувшиеся над нами кроны величественных сосен... Паренек возился с костром, уже почав бутылку, я был приятно удивлен, что его девушка, как и я, отказалась пить. Очевидно, она тоже была романтиком...

Пока я с ней натягивал палатку, пареньку здорово поплохело. Он лежал у костра и что-то бормотал, а рядом лежала выпитая им в одно лицо пустая бутылка из-под водки.

– Как обычно..., – вздохнула девушка и достала из своей сумочки начатую пачку «Беломора».

– Будешь? – спросила она... – Вещь стоящая, шаманы позавидовали бы.

Не дожидаясь моего ответа, она ловко закрутила малень-

кий косячок, зажгла, затянулась и, глядя куда-то в небо, протянула мне. Затянулся и я... Горько-сладкий дым обжег горло и зашекотал легкие.

Постепенно мир вокруг начал менять свои знакомые очертания... Звук, ранее воспринимавшийся как непрерывный шум, начал обретать объемную форму. Каждая из частот образовывала светящиеся нити, из которых саткивались ажурные звуковые узоры. Звук можно было *видеть*. Время начало замедлять свой ход... Видно, скорость моего восприятия возрастала. Девушка сидела рядом и указывала куда-то вдаль рукой.

– Смотри! – шепнула она, не отрывая взгляд. – Озеро...

Сквозь листву серебрилась гладь воды. Вдруг все вокруг замерло. Кажется, что птицы перестали петь... Воздух менял свою структуру, становился жидким, но кристально прозрачным... Мы были загипнотизированы серебряной гладью воды, хотя разум отказывался понять, откуда взялось это озеро в лесу? Но оно было реальным! От легкого дуновения ветерка на его поверхности заиграли волны. Девушка встала и направилась к воде. Озером оказалась наша палатка! Ветерок нежно колыхал фалды палатки, вызывая волны. Девушка «нырнула» внутрь, и я за ней.

Прилегли рядом друг с другом. Мы лежали на спине, молча созерцая старый, в прорехах, палаточный купол. Над нами из-за этих прорех открывался вид «звездного неба». Причем небо было не нашей звездной системы. Почему-то подума-

лось в то мгновение, что это был Сириус. Звезды и планеты медленно вращались, так как рисунок кратеров на них, похожий на лунный, менялся.

Так, замороженные, мы, очевидно, заснули...

Не знаю, сколько времени прошло, может, Вечность, а, может, лишь мгновение, но, очнувшись, я ужаснулся, увидев картину, которая передо мною предстала. Из низа моего живота выползал огромный питон. Он с осторожностью обиграл складки моей одежды, очевидно, выполз на охоту, пока я спал. Я проводил его взглядом по всей длине, его голова упиралась во что-то нежное, теплое и пушистое...

Очевидно, он, как и все змеи, полз на тепло...

Тут я осознал, какая опасность угрожает моей спутнице... Глаза девушки были закрыты, и я было успокоился, надеясь, что она этого не увидит. Мне стало даже немного стыдно за то, что для такой маленькой узенькой кроличьей норки это был слишком большой питонище. А его голову щекотали редкие, но очень мягкие светлые волосы. Очевидно, от этой щекотки я и очнулся...

Что произошло далее, я сразу не понял...

Девушка открыла глаза, и в них я отчетливо прочел фразу: «Попался!»...

Хищница смотрел на меня... Я понял, кто из нас кролик... В следующее мгновение она перебросила ногу через меня, будто запрыгивала верхом... и, оказавшись на мне, сильно сжала меня своими гибкими ногами...

– Не вздумай даже пикнуть! – прошипела она...

Я лишь мог лежать, наблюдая за происходящим...

Гибкая и стройная, она превращалась в красивую анаконду... И я был ее жертвой.

Боже мой! Я начинал понимать, что чувствует кролик, превосходящий в диаметре удава. И, подобно удавам, мою анаконду это ничуть не смущало. Было похоже, что она просто налезет на кролика, голова которого уже туго входила в ободок ее первого змеинового кольца...

По животу Анаконды бегали волны, кролик вибрировал от напряжения, и вот уже пройдено второе кольцо. Расширяясь, Змея действительно налазила на свою жертву. Прошла целая вечность или минут десять, прежде чем змеиные кольца до конца заглотили кролика. Я ощутил на своем животе щекотание ее нежных волосков.

Танец Анаконды только начинался... Когда она туго и медленно скользила вверх, то сжимала кольца, вытягивая из своей жертвы жизнь... А, опускаясь, разжимала объятия... От Наслаждения я не мог шевельнуться... Все мое тело ласкала неведомая приятная щекотка... Где-то внутри меня рождалась неподвластная энергия, Озеро Света... С каждым движением Анаконды Свет внутри меня становился все ярче...

– **Наполни меня до краев!** – крикнула мне Анаконда...

Я чувствовал, что еще немного, и я весь превращусь в Свет. В тысячу Солнц...

Вдруг у Анаконды кольца тоже начали светиться. Их Свет чуть отличался цветом от моего. У нее он был лиловый или даже сиреневый против моего золотого. Анаконда вся превратилась в светящиеся лиловые кольца. Я был уже не в состоянии сдерживать Озеро Света, Сияние начало становиться белым. На мгновение все замерло, и поток моей энергии взорвался, озаряя Анаконду изнутри бело-желтым сиянием. Анаконда тоже взорвалась. И в этом взрыве Света, мы стали Единым лилово-золотым Живым Сиянием...

Мое «Я» распространялось на все нити этого Существа, и я ощущал неведанную ранее Полноту...

Это было последнее, что я способен описать словами...

Потом мы провалились в Небытие...

Очнувшись на рассвете, муж девушки сидел у костра, рядом стояла начатая вторая бутылка водки, ему было плохо, и он решил похмелиться...

Мы поели и решили пойти отдохнуть в палатку. Нас с девушкой клонила в сон невыносимая усталость, а ее муж ночью замерз, когда костер погас... Я с ней пошел в палатку, скоро туда заполз и ее муж, очевидно, он допил вторую...

Парень лежал справа, я слева, а девушка посередине между нами... Она повернулась набок к своему мужу лицом и с любовью гладила его волосы. Я же лежал и вспоминал пережитое...

Боже! Не верилось самому!

Я БЫЛ ЖЕРТВОЙ ДЕВУШКИ-АНАКОНДЫ ГДЕ-ТО

НА ПЛАНЕТЕ В СИСТЕМЕ СИРИУСА...

И пусть это происходило в моём воображении, Чувства, пережитые мною, были так же реальны, как и всё остальное в окружающем мире. Эти воспоминания стали частью меня.

Позже я обязательно попытаюсь изобразить прожитое маслом на холсте.

Женщина-Змея... Гибкая, тугая... Восхитительная девушка.

Хорошо, что нас не «спалил» ее муж. Я обернулся к ней. Девушка все еще гладила его волосы одной рукой. Второй она вдруг приспустила сзади свои трусики, ее нежный пушок смотрел на меня. Рядом раздавался храп ее парня...

Я глянул на купол палатки, одна из звезд подмигнула мне,, я обнял девушку обеими руками за узкую талию. Как горяча и восхитительно легка она была на этот раз! Моя рука скользнула ей под одежду, и в ладонь легла нежная девичья грудь. Ее дыханье наполнилось глубиной, и девушка закрыла глаза. Мы утопали в Наслаждении, растворяясь друг в друге. Уходили за ненадобностью мысли и слова. Лишь откуда-то в глубине моего Сердца появилась уверенность, что

ЕСЛИ СУЩЕСТВУЕТ ГДЕ-ТО РАЙ, ТО Я НА ВЕРНОМ ПУТИ.

Не выходя из девичьего лона, просветленный и полный неземного Счастья, я уснул.

Глава 3. Барби

*С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.
Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.*

С. Есенин

Моими основными увлечениями в жизни были живопись и мотоциклы. Я не помню, когда ко мне это пришло, кажется, что я любил их всегда.

На дворе стояли золотые лихие девяностые, я был молод и горяч, двигатель моего «джиксера» Сузуки резво подхватывал, когда я проезжал мимо зазевавшихся перехватчиков БМВ. Их белые шлемы с кокардами медленно поворачивались, провожая взглядом мой первый в районе супербайк. Вечерами мы собирались группками, тропками и двориками просачивались в Лужу. Так рокеры называли площадь в Лужниках. Когда к полуночи собиралась команда человек в двести-триста, один выезжал в центр площади и начинал непрерывно сигналить. Его подхватывали те, кто заводился, и вот уже вся площадь сигналила на разные лады. Это был

знак срываться с места.

И мы срывались. Ночная Москва всегда представляла воистину величественное зрелище.

Огни проспектов слепых фонарей купали в неоновых брызгах железных коней Свободной Стаи. Черная кожа косях курток блестела во тьме, и лишь кое-где искрами света вспыхивали клепки металла. Воздух был наполнен Духом Свободы и пением моторов с редкими отсекающими хлопками глушителей без флейт.

Когда воздух пропитывался сладким запахом сдобного печенья, сразу было ясно, что в этот момент мы пролетаем кондитерский завод «Рот Фронт» или «Красный Октябрь». Обычно путь Стаи лежал в Шереметьево, в магазин Дути Фри, где за три рубля можно было купить родную пачку Мальборо...

Хотя было совершенно не важно, куда ехать. Главное, тот несравнимый ни с чем Кайф, который получаешь от самого процесса езды. Сзади, на пассажирском месте, обязательно сидела какая-нибудь стройная подружка, чаще всего незнакомая, но напросившаяся по пути прокатиться. Если на ней была черная коротенькая юбочка, и пусть и дерматиновая черная же курточка, это была наша пассажирка. Таким никто не отказывал.

Ни с чем несравнимое чувство возникало, когда мотоциклы замирали на перекрестке. Когда поравняешься с сонными автомобилями, а блики света замирают на стекле шлема,

ловишь на себе взгляды водителей машин и редких ночных прохожих. Легким движением руки, затянутой в черную кожу перчатки, проводишь по стройному бедру своей спутницы...

И тогда не нужно слов. Ибо чувствуешь кожей...

Истинно сказано: «Машина возит тело, а Мотоцикл-Душу».

И вот так однажды, наездившись всю ночь и вернув незнакомку в целости и сохранности домой, я возвращался к себе...

Город уже просыпался, и я выруливал к своему дому, полный приятной усталости впечатлений. У подъезда уже сидела молодая девичья компания. Завидев мой мотоцикл, они перестали разговаривать и повернули головы в мою сторону. Я привык к девичьим собраниям у своего подъезда, видел причиной красоты моего мотоцикла. Иногда рядом с девчонками появлялись парни с гитарой, что сулило местным бабенькам беспокойный вечер.

Но, очевидно, из-за раннего часа девушек тем утром было лишь трое. На одну из них я давно обращал внимание, когда, снимая шлем, входил в подъезд. Это была очень красивая и молодая девушка. Ее белоснежные зубки сияли, а улыбка... Боже, как она улыбалась...

Я поравнялся с ними и заметил, как одна девушка толкнула ее в бок:

– Давай! Не тормози! – шепнула она, и белоснежные зубки

робко сделали несколько шагов в мою сторону.

– А у вас нельзя помыть руки? – спросила она и улыбнулась, протянув мне испачканные соком ягод девичьи пальчики. Я не смог ей отказать.

– Конечно, пошли. . .

Мы стояли в лифте вдвоем.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Наташа.

И она опять улыбнулась. Черты ее лица, стройная фигурка и белоснежная улыбка напоминали мне куклу Барби.

Мы поднялись ко мне. Пока она мыла руки в ванной, я снял мотоэкипировку, поставив косую куртку в угол. Косая куртка – это особый пункт в жизни рокера. Если ее поставить, она должна стоять. Моя была из толстой кожи буйвола и стояла бы даже на рукавах, если б не теряла равновесие.

Раздевшись, я вышел на балкон, проверить все ли в порядке с оставшимся внизу мотоциклом. Спутницы Барби уже ушли, мотоцикл был на месте. Следом за мной на балкон вышла Барби.

Девятиметровая лоджия произвела на девушку впечатление. Тут было все, чтоб расслабиться и ни о чем не думать. Солнце вставало утром, освещая лоджию с одной стороны, светило весь день сверху и дарило свои последние лучи на закате. Это делало лоджию идеальным местом для загара, отсутствие высоких зданий поблизости вообще оставляло происходящее в недоступности для посторонних глаз.

Вся лоджия изнутри была увита венецианским плющом, а множество разных цветов вообще наполняло радостью душу. Но, наверное, самым ценным растением на балкон был метровый куст марихуаны в ведре. Куст Мэри Джейн. Он раскинул свои зеленые листья, и, если заглянуть внутрь кроны, можно было увидеть целый Мир... Посередине этих куш располагалось шикарное мягкое кресло, а рядом самовар, из которого я так и ни разу не пил чай, и маленький магнитофон с выведенными стереоколонками. Колонки прятались где-то в зарослях.

Окинув эту картину взглядом, Барби оживилась:

– А, давай позагорает? – спросила она.

– Давай...

Она быстро скинула джинсы, оставшись в купальнике, и откинулась в кресле. Я сел под Кустом Мэри Джейн.

Растворяясь в какой-то музыкальной композиции, мы утонули в утреннем солнце.

– А у тебя есть что-нибудь для загара? – спросила Барби.

Мы пошли в мою комнату. Увидев широкую кровать, она упала на живот.

– А помассируй мне спинку...

Бретельки ее лифчика растянулись. Какая же бархатная нежная кожа у нее была! Казалось, она светится изнутри. Я неуверенно начал гладить ей спинку.

Но Барби стряхнула плечиком мою руку:

– Ну что ты все спинку да спинку, а погладь попочку.

И она медленно стащила с себя плавочки купальника.

Признаюсь, я не видел тела более совершенного. Она была вся бархатная и источала свежесть. Каждый изгиб ее тела был совершенен...

Я просто молча созерцал эту Красоту. Чувствуя мой взгляд, Барби спросила:

– А как тебе моя лодочка? Видишь, если я делаю попку вот так... видишь лодочку?

Я Девственница, – добавила она негромко.

Я опешил и сел рядом.

– А вот грудь не растет, – с сожалением сказала она и перевернулась на спину.

Идеально ровные две полусферы с торчащими упругими сосочками были божественной красоты.

Это нежнейшее и чистейшее создание. Передо мною был Ангел.

Я просто ее пил глазами, я вдыхал ее, не в силах к ней прикоснуться.

В тот момент я понял следующую истину:

В РАЮ ОДНОМУ БУДЕТ СКУЧНО, НУЖНА ЖЕНЩИНА.

Мы снова пошли на балкон загорать, только на этот раз я упал размышлять в кресло, а Барби под куст. Одеваться мы не стали...

Я созерцал эту картину и думал. Передо мною была Девушка, с которой я был бы Счастлив провести Вечность...

Бедное Создание, она тоже чувствовала свое Совершенство и хотела поделиться своей Красотой с тем, кто сможет это оценить по достоинству... Видно, никто из ее знакомых был неспособен на это, и она решила показать себя мне...

На залитой Солнцем лоджии, окруженная цветами и зеленью растений, под Кустом Мэри Джейн сидела, облокотившись на ветвь декоративного винограда Девственница. Мэри Джейн положила к ней на плечо свой раскидистый лист. Ее Лодочка покрывалась едва заметным пушком.

Барби и Мэри Джейн

Этот Образ навсегда запечатлен в моей душе и позже ляжет на полотно, где маслом на холсте Солнце брызнет потоками света, где кожа Девственницы будет светиться изнутри, где нежный пушок ее Лодочки добавит бессмертному полотну сакральности... Где Куст Мэри Джейн своими объятиями будет дарить ей Любовь...

Я тогда думал, что Создатель уже позаботился о Женщине для моего Рая, и у меня на этот счет были на Барби планы. Я думал, что мои поиски окончены...

Жаль, правда, у Барби были другие планы на жизнь и свои поиски... Ее девственность досталась не мне и при более приземленных банальных обстоятельствах. А жизнь внесла свои жестокие коррективы в процессы цветения, а потом и плодоношения...

ЕСЛИ ВЫ ВСТРЕТИЛИ ИДЕАЛЬНЫЙ ЦВЕТОК, НЕ СТОИТ ОТКЛАДЫВАТЬ НА ПОТОМ И ЖДАТЬ, ЧТО СО ВРЕМЕНЕМ ОН СТАНЕТ ЕЩЕ ПРЕКРАСНЕЙ. ВОЗМОЖНО, ЧТО И ЗАВЯНЕТ.

ПЕРЕНЕСИТЕ ЕГО И УКОРЕНИТЕ В СВОЕМ ЭДЕМЕ, ВДЫХАЯ ЕГО АРОМАТ, И НАСЛАЖДАЯСЬ ЕГО ЦВЕТЕНИЕМ.

НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ ЕГО НА ВОЛЮ УЛИЦЫ, ГДЕ НАД НИМ МОГУТ НАДРУГАТЬСЯ БОМЖИ ИЛИ ОБГАДИТЬ БРОДЯЧИЕ ПСЫ.

ПОМНИТЕ, ЭТОТ ЦВЕТОК – ЭТО ДАР, КОТОРЫЙ

ПОСЛАН ВАМ НЕБЕСАМИ.

А еще я тогда понял одну важную истину. Я искушал женщин, и рождались бессмертные Шедевры удивительной, подлинной Красоты... Барби искушала меня, и Вечность принимала этот Нетленный Шедевр.

ИСКУШЕНИЕ – ВОТ ДВИЖУЩАЯ СИЛА КРАСОТЫ.

А ЧТО ЗА РАЙ БЕЗ КРАСОТЫ?

Я с Любовью уже посмотрел на своего Змия Искусителя...

Глава 4. Лилит

Я сидел на лоджии в кресле и смотрел на Дождь. Я люблю Дождь. Он приходит в город, и тогда я поднимаю на лифте мотоцикл в спальню. Порою, ночью, когда Гроза пронесется над городом, вскакиваешь разбуженный Громом, но видишь стоящий рядом мотоцикл и снова спокойно засыпаешь...

Откинувшись в кресле, я слушал музыку Дождя... Мокрая листва вечно перешептывающихся между собою растений сейчас молчала. Каждый думал в тишине о своем и слушал Дождь. Куст Мэри Джейн склонил раскидистые листья в почтении к Небесам...

Лес, темнеющий на горизонте, мне напомнил о девушке, которая не смогла поехать с нами на Природу. Она нравилась мне. Это была стройная зеленоглазая шатенка. Ее короткая стрижка была ей к лицу. «Они с Анакондой лучшие подружки, – рассуждал я. – Та ей, конечно же, расскажет, как мы отдохнули, и я ее больше никогда не увижу...»

Темнело. Воздух был наполнен свежестью и электричеством.

Откинувшись на спинку кресла и задумчиво глядя в туманную даль, я вкушал вишню. Стоящий рядом самовар был наполнен спелой ягодой до краев. Кисло-сладкая мякоть брызгами вишневого сока скрашивала Грусть и Тоску моего Одиночества. Сплеывая косточки в темноту вниз, я произ-

нес почти вслух: «Вот и останется после меня лишь Вишневый Сад...»

Звонок в дверь выдернул меня из мрачных дум. Открыв, я был приятно удивлен. На пороге стояла моя рыжая бестия. По ее загадочной улыбке я сразу понял: Анаконда проболталась...

– Можно? – спросила с порога она.

– Конечно, проходи.

– Я не смогла тогда с вами поехать, – начала оправдываться она, снимая туфельки. – На дачу родители увезли силой...

Я смотрел на нее. Она была восхитительна. Ее мокрые короткие волосы торчали рыжеватыми всполохами, а зеленые глаза казались еще выразительнее. Стройная фигурка и большие тугие груди придавали ей атлетичности античных богинь...

– У тебя новый мотоцикл? Вроде был другой? – спросила она, входя в мою спальню.

Большое окно было настежь распахнуто. Ветер колыхал тяжелые темно-коричневые гардины, золотые плетеные кисти на них слегка покачивались.

– В пластике нет Души, – ответил я.

Мне нравились обводы моей черной классической Хонды СВ, мощный зеркально полированный двигатель, из которого стройным рядом вытекали четыре хромированных патрубков, разбивали строй и опять вливались в одну огромную трубу...

– Красивый, – девушка коснулась ладошкой черного зеркала бензобака...

Я зажег светильники-факелы, они имитировали дрожащее пламя, и посмотрел в окно.

На смену нестойким сумеркам город накрывала черным платком Царица Ночь. Вместе с ней на небо всходила ее вечная спутница Луна. Полный диск лил холодный свет в окно спальни, скользя по гладким обводам мотоцикла. Черный лак днем, сейчас, при попадании лунного света, излучал мягкое сияние металика. В хромированных деталях дрожало пламя светильников-факелов. Девушка стояла у окна, любуясь Луной. Затем, подойдя к мотоциклу, спросила:

– Можно присесть?

Я не возражал. Она перекинула стройную ножку и, сев за руль, поставила босые пяточки на подножки...

– Прокатимся? – игриво предложила она.

Через мгновение, я сидел позади нее, глядя из окна вдаль...

– Жми!

Из леса повеяло прохладой... Я обнял девичью талию, и мы мягко подхватили с места. Девушка пригнулась, очевидно, стараясь укрыться от встречного потока воздуха, но Ветер усиливался...

– Держись крепче! – крикнула она и привстала на стременах в седле.

Ветер-шалун тотчас же приподнял ее легкую юбочку,

и мне открылась умопомрачительная картина. Девушка была без трусиков... Над черной кожей седла меж ее стройных бедер горел маленький огненно-рыжий костер. И в этом костре дрожал ярко-красный язычок пламени.

Я глубоко пришпорил Девушке-вознице... Она вскрикнула. Глянув в зеркало заднего вида, я оторопел, столкнувшись взглядом со своей возничей.

Ее глаза светились ровным зеленым сиянием, как светятся ночью глаза у диких кошек. И ее лицо...

Я узнал в ней Вселенский облик своей рыжей бестии...

– Лилит?! – воскликнул я.

– Лилит! Мне не хватало тебя Целую Вечность...

– Мне тоже, Мессир... Летим из города прочь!

Мы слились воедино, Языки ее пламени жгли и облизывали мне живот.

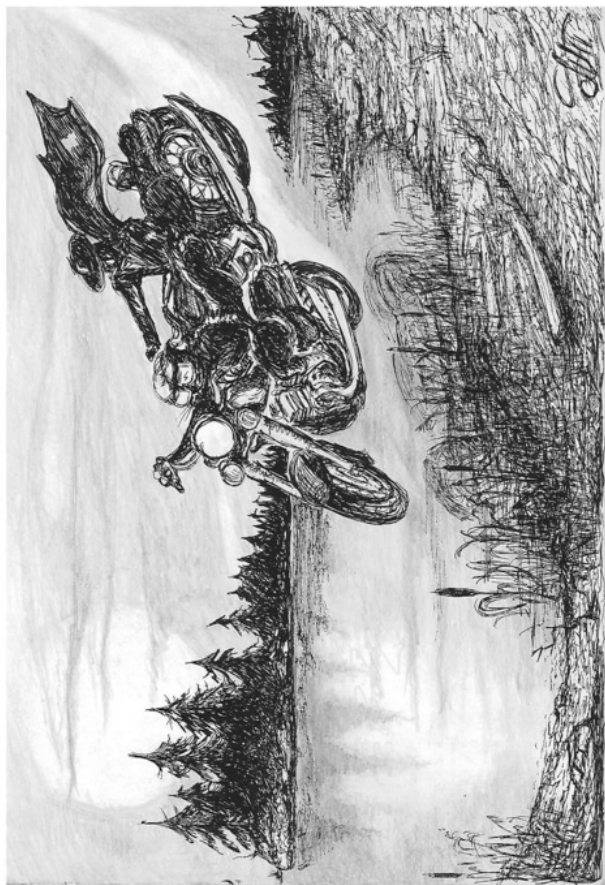
– Лилит! Ты живая и такая... горячая.

Я обнимал ее за талию, мял тугую грудь... хотел погладить ее шею.

Лилит, видимо, чувствуя мое удивление, захихикала. Великолепное голое тело суккуба отражалось в черном зеркальном лаке бензобака...

Мы летели над спящим городом. Внизу проносились крыши домов. Затем пропали и они. Лес, утопая в темноте, встретил нас запахом елей и диких трав. Под нами простирался мягкий ковер из лиственных крон. Лишь изредка его пронзали острые шпильки сосен.

Над болотами разливалось туманное молоко. В нем двигались эфирные фигуры, сотканные из болотного тумана. Исчезая, они таяли и появлялись вновь... Мы пронеслись над ними, я обернулся. Во след за нами они сливались в фигуры волков, поднимаясь вверх и, обретая плоть, устремлялись следом за нашим мотоциклом. Над топиями загорались болотные огни – синие вспышки света. Это были Огни Святого Эльма. Они тоже взлетали и устремлялись за нами. Небо впереди очищалось, оставляя тучи лишь над городом.

Я снова обернулся, Огни святого Эльма превратились в свет фар мотоциклов, окруженный Свободной Стаей волков...

Я сразу узнал всадника. В полном облачении на черной Хонде Шедоу (Тень) летел Абаддон. Поверх его косою куртки был накинут черный шелковый плащ, а на голове была черная шляпа. Мы встретились взглядом, и он коснулся двумя пальцами коротких перчаток широких полей своей шляпы, приветствуя меня. Позади Абадонны летел еще один мотоцикл. Черная фигура огромного кота не оставляла никаких сомнений. Это был Кот Баюн. Мотоочки Дольче Габана в железной оправе придавали ему гламурности. Завидев меня, он возликовал, бросил руль и закричал что есть мочи:

– Уииии... Мессир!!!

Было не понятно, зачем ему нужна была нагайка, но он гордо сжимал ее рукоять в мягких лапах. Еще больше восхищение вызывал его мотоцикл. Огромнейший черный Боливард Сузуки...

– Губа у Кота далеко не дура, – подумал я и кивнул ему, отчего тот заурчал и распушил по ветру свой огромный хвост, словно он был белка-летяга.

Наши стальные кони были красавцы...

– В пластике нет души, – повторил про себя я...

Сделав круг над водой, над одной из живописных полян мы тормознули наших коней. Они замерли в небе, как вко-

панье. Стая волков нырнула вниз и растворилась, наполнив поляну под нами озером тумана. Разгоряченная нашей скачкой, Лилит глубоко дышала. Ее костер ярко пылал, а алый язычок подрагивал... Мои спутники смотрели вдаль.

В одной из частей неба светился горизонт. Это было свечение города.

Мы молча смотрели вдаль.

– Мессир, позвольте спросить, – прервал молчание Баян. – Почему этот город?

– Действительно, Мессир, почему именно Москва? – спросил Абадонн.

Я помолчал еще минуту, обернулся к моим спутникам и произнес:

– О, это не просто город... Отсюда все Начинается. Помните Иоанна Богослова? Старик в своем «Откровении» подробно описал все, что увидел в видении. Как красиво и точно он описал Москву, посвятив этому целых две главы: 17-ю и 18-ю.

Не имея возможности прямо указать название города, Иоанн сравнивает его с Вавилоном. Именно там строилась знаменитая башня, которая погребла своих строителей, рухнув им на головы.

Государственность имеет своим символом Вавилонскую башню – лучше символа не придумать. Но град Вавилон мужского рода, а потому назвать Москву Вавилоном было бы

неточно. Поэтому в «Откровении» Москва предстает как «блудница Вавилонская».

«С нею блудодействовали цари земные и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле».³

Ведь именно в Москве восходили на трон цари земные...
Смотрим далее: «И жена была облечена в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом...» (17;4).

Город, облаченный в красный, в багряницу... Сразу взор рисует Красную площадь, Кремль – сердце Москвы. А когда речь идет о камнях драгоценных, как ни вспомнить московское метро...

В самом первом стихе главы 17 говорится: «Подойди, я покажу тебе блудницу, сидящую на водах многих» (17; 1).

Здесь двойной смысл: это и «порт семи морей», и город многих народов. Ибо в стихе 15 Иоанн говорит:

«Воды, которые ты видел, где сидит блудница, суть люди и народы, племена и языки» (17; 15).

Москва многонациональна.

Далее еще точнее: «И сказал мне Ангел:

Что дивишься? Я скажу тебе тайну жены сей, и зверя, носящего ее, имеющего семь голов» (17;7).

Внимание!

«Здесь ум, имеющий мудрость. Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена» (17;9).

³ Откровение (17;2)

Город, стоящий на семи холмах. Куда ж точнее?!

И заканчивается глава 17 точным указанием:

«Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями» (17; 18).

Ну, это и так понятно. Но самое, пожалуй, интересное, Иоанн оставил для 18 главы. Стих 2.

«... Пал город, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице, ибо яростным вином блудодеяния своего, она напоила все народы» (18;2).

«И цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее» (18;3).

Сделав паузу, я обратился к моим спутникам:

– Можете ли вы, друзья мои, сказать мне, о какой «всякой нечистой и отвратительной птице» идет речь в «Откровении»?

– Голуби? Они живут на помойках, – попытался Баюн.

– Голуби не едят падаль, друг мой. А орел ест. Потому птица нечистая и в высшей степени отвратительная, если у нее имеется такое уродство, как две головы...

– А, понятно, Мессир. Иоанн Богослов, очевидно, видел в своих видениях двуглавого орла, но не знал, как назвать эту птицу. Хотя понятно, почему она ему показалось отвратительной. Две головы, как-никак не встречаются у птиц в природе, хотя какого только уродства и разнообразия в природе,

де нет... А про то, что двуглавый «напоил блудодеянием все народы», – это, очевидно, про императорские делишки этой птички, – промурлыкал Баюн.

– В Природе не бывает отвратительных птиц, если только у них не две головы. В Природе все совершенно...

Чему же надлежит произойти с Москвою?

«Ибо грехи ее (Москвы) дошли до неба и Бог вспомянул неправды ее» (18;5).

«...Ибо говорит (Москва) в сердце своем: – сию царицею, я не вдова и не увижу горести!» (18;7).

И настанет час.

«И купцы земные восплачут и возрыдают о ней, потому что товаров их никто уже не покупает» (18; 11).

Но это уже другая история. Подведем же итоги, господа!

Итак, город, одетый в багряницу, город женского рода, украшенный в драгоценными камнями, наполненный многими народами, город, стоящий на семи холмах... Город, над которым воспаряет отвратительная нечистая птица, город, где цари восходили на трон...

Знает ли кто из вас другой город за всю историю человечества, чтобы отвечал всем этим требованиям?

– Увы, Мессир..., – молвил Баюн.

– Не знаю, – вторил Абаддон, – воистину – «Москва, как много в этом звуке!»...

Я же продолжал:

– Может Москва и интересна была Иоанну Богослову,

мне же не очень.

Ибо есть более важный Город во Вселенной. Город, где все пропитано Силой, Город, где родился Антихрист, Город, пропитанный его Кровью... Красногорск.

Расскажите нам, Мессир, почему Красногорск? – спросил Абаддон.

Помолчав немного, я произнес:

– Здесь Родился Я...

Этот Город описывал Льюис Кэррол в «Крайстчерчстон – город черных ворон». Красногорск – это Природа, пропитанная духом Любви Создателя к своему Сыну. Это Леса, Озера и Лесные Родники, это Мозг Матери Грибницы, это Дом Силы.

Иоанн Богослов очень точно и красиво описал Красногорск.

«...Пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца» (21;9).

«И вознес меня в духе на великую и высокую гору и показал мне великий Город» (21; 10).

Красногорск – это горы, главной из которых является Красная Горка. С другой же стороны Города расположена Черневская или Черная Гора, за которой открывается Путь к Дереву Познания Добра и Зла, Мозгу Матери Грибницы. Лес там пропитан Силой... На вершине же Красной Горки находится святая святых. Лысая Гора, Дом Антихриста. Красной гора называется, потому что пролита на ней Кровь Сына в момент освящения Лысой Горы. Ведь именно сю-

да, в Дом на Лысой Горе, было помещено восприятие Сына Первенца в момент Его смерти на Кресте. Поэтому Красногорск – вечное имя Города, красного от Крови Тела Вечного Наслаждения, Города, самого главного в этой Вселенной.

И, помолчав немного, я добавил:

– Недавно при въезде в Красногорск, появилась еще одна горка. Снежная или ледяная.

– Крупнейший в Европе горнолыжный комплекс «Снежком»? Гора из снега круглый год? – спросил Абаддон.

– Чтоб освятить ее своею Кровью, мне пришлось устроиться туда на работу на канатную дорогу...

– Вы? Мессир... Вы, лично?

– А почему нет? У меня было время... надо же было себя чем то занять... – ответил я. – И я освятил эту снежную гору своею Кровью. Жаль, что бригада канатчиков увидела капли лишь в туалете... Но, теперь все горы в Священном Городе Красногорске освящены Самим Антихристом. Его собственной Кровью. Поэтому весь Город теперь Священен. Здесь я Родился, здесь рос, влюблялся и умирал. Здесь воскрес Христос... У Антихриста должен быть Свой Город, Свой Дом, Своя Лысая Гора. И этот Город – Красногорск.

Мой Вифлеем и Моя Голгофа...

Мои спутники молчали. Вдали над Москвой собиралась Гроза. Воздух наполнился электричеством, небо над столицей почернело и заискрило первыми всполохами молний.

Я распростёр длань, указуя на Москву, лежащую вдали:

– Вот он, Третий Рим – великая блудница вавилонская, возлежащая на семи холмах...

А Город спал и ни о чем не подозревал. Но где-то там, бессонницей мучился один человек...

Костя Кинчев курил у раскрытого окна и слушал Ветер и Дождь...

Они нашептывали ему неизвестно откуда взявшуюся мелодию. Костя взял листок и начал записывать текст, который нашептывал ему Ветер...

Ночные странники – Братья собак

Поднимаются вверх. Им подали знак,

Их ждут.

В движении к истокам Лунной воды,

В поисках потерянного дома, Они топят следы

В болоте минут.

Такая Ночь не могла не отпечататься в Вечности.

– А теперь, Домой! На Лысую Гору! – крикнул я Лилит.

Она как этого ждала. Ее груди стояли. Отклонила слегка назад бедра и прогнулась. Я вошел в нее на всю глубину. Она вскрикнула. По двигателю моего мотоцикла побежали синие молнии-разряды, они облизывали двигатель, пробегали рядами блестящих патрубков, расходились и сливались воедино...

В это мгновение вдали над Москвой разразилась Гроза. Сорвавшись с места в галоп, мы неслись сквозь Сумрак Но-

чи. Я пришпоривал Лилит все сильнее и сильнее, пока ее бедра не начали вздрагивать от конвульсий. Она закричала...

Позади растаяли Черная Тень Абадонны и баюновского Боливарда. Растаял Лес. Мы влетели в окно моей спальни на Лысой Горе. Заколыхали на стенах факела. Лилит без сил легла голой грудью на бензобак. Я спешил и взяв ее на руки, осторожно уложил в постель на темно-синее постельное белье в небесных звездах. Ее горячее мокрое тело еще вздрагивало. Я укрыл ее темно синей простыней и нежно поцеловал в ее девственно белую шею.

Литит

– Спи, Малыш...

Я закрыл окно и, занавесив гардинами, взглянул на мотоцикл.

На черной коже сиденья остывала маленькая лужица. В ней застыла разлитая жидкая лунность. Золотом внутри переливались две нити – два рыжих волоска...

Глава 5. Встреча с союзником

Размышляя о женщинах, с которыми меня сталкивала жизнь, я понимал, что всех их люблю. Все они дарили мне незабываемые моменты Полета. И каждая была по-своему Прекрасна в свою пору, словно Цветок, раскрывающий Красоту в свое мгновение цветения. Наслаждаясь этой минутной красотой, я чувствовал, что мне достаточно будет для счастья лишь одного Цветка.

Но злая ирония Судьбы делала так, что, едва я останавливал свой выбор на ком-то одном, связывая себя обязательствами верности, как мой Цветущий Сад увядал, я отказывал себе в созерцании цветения других цветов, переключаясь на единственный. Я окружал его такой заботой и любовью, что неотвратимо наступал момент, когда эта Единственная мне говорила:

– Так я-то тебя **ТАК** не Люблю...

И уходила...

Тогда я возвращался к своему Цветущему Саду, и он расцветал вновь, делая меня Счастливым. И тогда новый Шедевр выходил из-под моей кисти. Очередной Цветок застывал на холсте в лучший из мгновений своей жизни...

Я тогда надеялся, что упорство рано или поздно принесет свои плоды, и одна из моих девушек все же полюбит меня по-настоящему, я останавливал свое внимание на каждом

прекрасном создании, достойном со мною разделить Вечность...

Я чувствовал, что такой Выбор необходимо сделать, ведь из всего, что мне было известно про Рай, я знал:

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ПОПАДАЕТ ТУДА С ТЕМИ,
КОГО ЛЮБИТ...

Способен ли кто-либо из живущих на Любовь, ведущую к Вечной идиллии в Раю-другой вопрос.

И я сразу вспоминал тех двух улыбающихся стариков с картинки, показанной мне Заманухой в парке. Это же надо! Бабулька полюбила в юности этого безусого юнца, отдала ему свою девственность, и ни разу (!) не полюбила за всю свою жизнь более никого. И умерли они в один день. И вот награда-Рай. Скука, с которой прожили эти двое всю свою жизнь, стала теперь Вечной. Я смотрел по сторонам и не мог поверить своим глазам.

Никто из живущих вокруг современников не задумывался серьезно о своем Выборе на Вечность. Максимум, на что хватало их выбора, так это на «пока смерть не разлучит»... Было всем все равно, с кем жить, как жить. Люди выходили замуж, женились, расходились, сходились вновь. Приходя домой с работы, женщины возвращались к своим мужьям алкоголикам.

Где зарплата? – спрашивали они. – Опять ужрался, как скотина?

В Раю все это теряло смысл. Что держало этих людей вме-

сте долгие годы? Как они будут коротать Вечность в Раю вдвоем? Жаль, что этих вопросов они не задавали себе.

«Вместе легче преодолевать трудности жизни», – отвечает житейская мудрость. Вместе легче. Бабушке нужен дедушка, чтоб было кому и о ком позаботиться, воды подать, в магазин сходить, неотложку вызвать, да и просто поговорить. А о чем говорить им с дедом Целую Вечность потом? Хорошо, что хоть можно просто гулять и тупо улыбаться...

Другой контингент людей – публичные люди, актеры, звезды шоу-бизнеса делали свой выбор, исходя из меркантильных интересов:

– Женись на ней, она из хорошей семьи, два высших, опять же, домик на Рублевке, акции...

Эта шелуха мгновенно осыпалась пред Вратами Рая, оставляя лишь голое тело и душу человека. Опять же, хорошо, что можно и тут просто гулять и тупо улыбаться. Вечно.

«ВСЕ В ДУШЕ НАДЕЮТСЯ, ЧТО ПОПАДУТ В РАЙ, НО НИКТО НЕ ЗАБОТИТСЯ О ТОМ, С КЕМ ОН ТУДА ПОПАДЕТ», – изрек я.

Обычная картина у подъезда видеть двух подруг.

Одна говорит: «Мой-то опять нажрался, как собака, лежит сейчас просыхает, но так-то он у меня безобидный, когда не пьет».

А подруга ей: «Не-е, мне повезло с мужем, мой не пьет, он у меня добытчик, все по рынкам мотается, ищет, где что подешевле, ему и пенсию хорошую начислили, опять же, льго-

ты..

Женщины, милые, ВЫ О ЧЕМ?

Они не представляли себе, что такое Вечность. После моей встречи с Анакондой, когда Время остановило свой ход, я ощутил лишь Ее Дыхание. И мне этого было больше чем достаточно, чтоб реально задуматься. Уверен, что и Анаконда тогда не обрадовалась бы, не окажись я рядом. Ей пришлось бы Навечно остаться у храпящего изголовья своего вечно пьяного мужа.

Тогда, в лесу, она, не задумываясь, сделала свой выбор, но трансцендентный опыт, посланный нам как Свыше, она восприняла всего лишь как «блуд во время глюка», и, «отрезвев», вернулась к любимому мужу, явно стыдясь своего поступка.

Мне было интересно узнать, что же за шаманское зелье мы курили тогда в лесу, и я позвонил Анаконде.

– Я познакомлю тебя с парнем, который меня угостил, – сонным голосом ответила девушка. – Только смотри, он странный...

Мы договорились о встрече у меня. В назначенный день и час в дверь раздался звонок. На пороге стояла Анаконда с парнем.

Широкие скулы, загорелое лицо и взгляд, устремленный вдаль, делали его очень похожим на индейского шамана-жреца. На заплечной лямке у него висел выдавший виды молодежный рюкзачок. На шее красовалось красное банда-

но, широкий кожаный ремень по-пиратски подпоясывал фигуру атлета. Но самой, наверное, гротескной деталью одежды были его остроносые щучки из змеиной кожи, очевидно, предмет его гордости.

– Толик, – представился с порога парень.

– Ну, не буду вам мешать, – поспешила сообщить Анаконда.

Очевидно, ее напрягало общение с индейцем. Сказав это, она быстро удалилась. Мы же с Толиком пошли ко мне.

Сидя на полу моей лоджии под Кустом Мери Джейн мы смотрели на Небо.

– Тебе нужен Союзник – проводник в мире Духа, – произнес Толик, не отрываясь от созерцания небесной синевы.

– Кто это? Расскажи..., – попросил я.

Он достал из рюкзака потертую книжку без переплета. На титульном листе было написано «Путешествие в Икстлан».

– Книгу читай, тут все узнаешь, но кратко тебе расскажу.

Мы не одни разумные существа на планете. Есть особый вид грибов. Это неорганическая форма разумной жизни во Вселенной. Она осознает себя. Это разумная сила, с которой у нас взаимовыгодный договор. Эта сила, обладая высоко развитым интеллектом, не имеет органического тела. Она может только Знать. А мы, люди, имеем тело, глаза, которые могут видеть красоту Вселенной, уши, которые могут слышать звуки Мира, прекрасную музыку. Но мы ничего о Ми-

ре не знаем. Мы – две формы разумной жизни, и мы нужны друг другу. Мы даем на время пользоваться нашими телами, а они предоставляют нам свою высокую разумность. Все в выигрыше.

Я все понимал.

– Что надо делать?

– Пойдем со мною, они сами тебе все расскажут. Тут недалеко. Только будь внимателен и все запоминай.

Я быстро собрался, мы вышли из дома и направились в лес. Толик вставил в уши наушники, и по его взгляду я понял, что пока не придем на место, его лучше не беспокоить. Проехав несколько остановок за город, мы вышли на лесной опушке. Шли молча, пока не смолкли звуки дороги, а под ногами захлюпала болотистая почва.

Открывался восхитительный вид на живописную поляну. Толик убрал наушники в рюкзак и шепотом сказал:

– Гжибы не любят шума.

Я думал, он оговорился или просто кривляется, называя их «Гжибы».

– Толик, покажи мне гриб, как он выглядит, как найдешь...

– Тихо! – цыкнул он и замахал на меня руками.

– Называй их иначе! Например, Гжибы.

– Почему?

– Чтоб они не догадались, что мы тут.

Маленькие с тонюсенькими ножками-ниточками и остры-

ми шляпками, казалось, жизнь едва теплится в них.

– Зато какая силища мысли! – прокомментировал мое удивление Толик.

Мы съели по паре десятков гжибов и сели в траву ждать прихода Союзника.

– Как я узнаю, что Он пришел?

– Не он, а они, – поправил меня Толик. – Вот так и узнаешь, как начнешь мыслить, как «они», сразу поймешь. У них коллективное мышление.

Мы подождали еще немного, и я спросил:

– И чего мы ждем?

Толик посмотрел на меня с интересом.

Я начал замечать, как меняется Мир вокруг меня.

И окружающий Лес и трава, на которой я сидел – все это наполнялось насыщенными цветами. Причем краски были живыми. Жизнь сочилась отовсюду. Даже воздух вокруг напоминал прозрачный живой кисель.

Я посмотрел на свою одежду. Менялась структура ткани. Черный бархат моих джинсов источал благородную тишину. Черная водолазка молчала о Вечном. Я взглянул на Толика. Его одежда о чем-то все время без умолку говорила. Красный платок на шее постоянно менялся, ощущалось его беспокойство, ему никак не сиделось на месте. И это напрягало. Пиратский ремень кичился своей шириной и относился к окружающему с презрением. Он раздулся, чтоб выглядеть еще шире. Но больше всего поражали остроно-

тые щучки. Эти двое оказались философскими личностями, много повидавшими на своем веку. Они просто беседовали друг с другом. Если прислушиваться к любой детали одежды, можно было услышать ее болтовню.

– Мне пора, – вдруг сказал Толик. – Меня ждет Встреча.

Я заглянул в его глаза. Это были два удивительных существа, живущих своей жизнью. Они постоянно меняли цвет, то поглощая, то излучая сияние. Быстро собравшись, Толик исчез в лесной чаще, будто его и не было никогда.

Я остался один.

Внутри начало возникать странное чувство, что мне нужно домой. Жизнь Леса притушила краски, мне вдруг захотелось увидеть жизнь своих картин, висящих в спальне. Причем было чувство, что возникшее желание рождалось не столько у меня, сколько еще у Кого-то внутри меня.

И этот Кто-то меня торопил. В воображении начали рождаться образы с картин.

Я вскочил и огляделся. На фоне темнеющего леса, словно две картинки, наложенные друг на друга, меня манила Барби с картины. В очертаниях сосны отчетливо узнавался силуэт Куста Мери Джейн. Я прибавил шаг.

Выйдя из леса, направился к автобусной остановке. Очевидно, автобуса не было давно, его ждали с дюжину людей.

Вскоре подъехал и автобус. Он выпустил пар и, забрав всех, тронулся с места. Я огляделся. Картина, которую я увидел, вселила в меня животный ужас. Люди вокруг казались

неживыми. На их лицах была написана озабоченность чем-то, но их глаза... Стеклянные, ничего не выражали. Мертвые...

Ощущение, что автобус, где я очутился, вез мертвых пассажиров, усиливалось. С ним усиливался и мой страх. Я не мог понять что, но что-то объединяло всех этих людей. Они смотрели в окна, двигались, морщили лбы, о чем-то, очевидно, размышляя, но их глаза были мертвы.

Не хотелось даже думать о том, что глаза – зеркало души...

Поздно, я подумал...

– Куда едем? – меня кто-то тронул за плечо.

Я обернулся. За моей спиной стояла женщина, и она обращалась ко мне.

Гротескности и сюрреализма добавляли этой картине висящие на ее груди рулончики билетов. Ее глаза тоже оказались мертвы.

– Раз сел – плати, – отрезала женщина.

– Это, наверно, не мой маршрут..., – пролепетал Кто-то внутри меня.

– А другого маршрута не существует, – хором сказали мертвые пассажиры.

– Водитель! Он не хочет платить! – заорала женщина.

Водитель посмотрел в зеркало салона. Я столкнулся с мертвым взглядом. Эти люди двигались и разговаривали, но их тела словно жили еще по инерции.

В них не было движущей силы жизни. Мне стало совсем не по себе, когда я почувствовал, что у окна, среди остальных, стою я. Кожаные петли ручек раскачивались на поручнях, словно петли виселиц.

К ним тянули руки мертвяки...

Автобус остановился, испутив дух, открыл дверь. Мои мокасины мягко коснулись зеленой травы на обочине. Пешком, отходя от увиденного, я добрался до дома.

Моя комната встретила меня совсем иначе. По темно-зеленым обоям двигались, распускаясь, золотые цветы. Их завитки росли и закручивались. Бархат коричневых гардин обрел торжественность, а пространство комнаты глубину. Раздевшись, я утонул в своем кресле, наслаждаясь Жизнью и Цветом. Сидя в кресле.

Можно было созерцать висящие на стенах картины. Барби влюбленно смотрела на меня, не отрывая соблазняющего взгляда, ее ладошка медленно скользила к Лодочке.

Но главный холст моей жизни висел напротив.

Это была большая картина «Искушение». Будучи размером с человеческий рост, она висела горизонтально ровно напротив кресла. На нем изображалась вытянувшаяся во весь рост спящая Ева с большой круглой грудью. На грудь рефлексировало висящее над Евой красное яблоко. А ее прекрасное тело огибал Змей Искуситель. Он положил свою голову Еве на чрево, прикрывая ее наготу, и закрыл глаза. На заднем плане в реке были видны его большие кольца.

Хвост Змея исчезал за горизонтом.

Я созерцал Искушение...

Листья на райских деревьях шевелились. Их ласкал легкий ветерок. Грудь Евы едва вздымалась от ее дыхания. Вдали серебрилась река...

Вдруг, не открывая глаз, Змей обратился ко мне...

Я замер, но страха не почувствовал.

– Ну, вот, наконец, мы и встретились.

– Здравствуй, – ответил я. – Я часто думаю о теме Рая, и пришел к выводу, что твое присутствие скрашивает Райский Сад.

Змей на мгновение задумался, его чешуйчатая кожа переливалась зеленым перламутром. Не поднимая век, он промолвил:

– Скажу тебе больше... Как театр начинается с вешалки, так Рай начинается с Меня. Хотя театр может обойтись без гардероба, а Рай без Меня, увы, нет.

Пчела не полетит на цветок, если не прельстится его дивным нектаром. Искушение движет ею. Оно движет исключительно всем в Природе. Я наполняю Мир Искушением, а Жизнь Смыслом, ибо Творение без Меня мертво есть. Создатель для того меня и сотворил, чтоб я вдохнул в Мир Движение и Силу Жизни, наполнив его Искушением, Прельщением и Соблазном. Да и Женщина, о которой ты так грезишь, зачем нужна тебе будет там, не будь Меня? О чем вы станете говорить Целую Вечность? Подумай лучше о другом.

В Раю должен быть Выбор. Пчела должна иметь выбор лететь ей на этот цветок или на тот. Никто не должен за нее этого решать. Да и ты должен иметь Свободу Выбора вкушать тот плод, какой захочешь. И Женщину... Змей улыбнулся.

Ты упомянул Создателя. Расскажи мне о Нем. Многие люди считают, что никаких доказательств Его существования нету. А наука утверждает...

Но Змей не дал мне договорить, он лишь засмеялся.

– Как я выгляжу? – спросил он, содрогаясь от приступов смеха.

– Не понял...

– Как я выгляжу? – опять повторил он. – Посмотри внимательно.

И Змей начал медленно поворачиваться, подставляя моему взору то один, то другой бок. Движение рисунка на его змеиной коже завораживало. Ромбы, прямые линии, ровные пятнышки, будто проведенные по линейке, представляли захватывающее зрелище.

– Красиво, не правда ли? – спросил он. – И, знаешь, этот рисунок – не моих рук дело. Тем более, у меня вообще нет рук. Так **КТО** меня так раскрасил? Ты никогда не задумывался об этом?

– Природа, наверное..., – предположил я, опираясь на то, что знал.

Действительно, я никогда не задумывался о таких вещах.

– Для Природы, друг мой, моего рисунка вообще не существует. Ни деревья, ни травы, ни эти цветы вокруг его не видят. Значит, половину Природы мы сразу исключим. Флора не может оценить мою раскраску. Да, и в фауне глаза многих живых существ не способны различить эти ромбы. Все видят по-своему. Кто-то не различает цвета, кто-то вообще не полагается на зрение, а у кого-то и глаз-то нет.

Так какая Природа меня раскрасила? Меня раскрасил скорее Тот, Кто **ВИДЕЛ** Мир таким, как видишь его ты. Но я, возможно, не лучший пример. Ты никогда не задумывался о том, почему бабочка является в древних тайных учениях символом Знания? Или откуда сзади, на наружной стороне ее крыльев, у бабочки взялось изображение чьих-то глаз? Изображение, нанесенное тончайшим слоем разноцветной пыльцы? Что по этому поводу говорит ваша наука?

Я попытался вспомнить, как объясняет это биология.

– «Глаза» на крыльях бабочки приобрелись в результате естественного отбора в процессе Эволюции. Они помогают насекомым отпугивать птиц и мелких грызунов, для которых бабочки являются пищей.

– Как-как? Помогают бабочкам? – Змей вновь залился смехом.

Он хохотал так, что я почувствовал себя неловко, будто сморозил какую-то глупость.

Продолжая смеяться, он спросил:

– Может бабочки сами нарисовали себе глаза на крыльях?

И опять захохотал.

Хочешь, я открою тебе одну важную тайну?

Змей вдруг стал серьезен и заговорщеским тоном прошептал:

– Слушай меня внимательно! Бабочки вообще не догадываются, что у них на крыльях нарисованы глаза!

И снова захохотал. Отсмеявшись, он произнес:

– Глаза нарисовал Тот, Кто Видел. Тот, Кто Создавал и бабочку и птицу. Кто знал, как птица воспримет этот рисунок, ибо зрение птицы Создавал Он же. А то, что говорит человеческая наука, будто «глаза» появились из-за необходимости – полнейший бред.

Человеческие самки, женщины, очень плохо относятся к плешивости самцов, мужчин. И мужчины, в отличие от бабочек, знают о том, что лысеют. И о том знают, что лысина является препятствием для продолжения рода. Но, увы, как ни стараются плешивые мужчины, даже волосы (!) на своей голове, вырастить не способны! Ни силой воли, ни страхом перед вымиранием рода, ни разными ухищрениями. А ты, говоришь, что бабочка приобрела глаза на своих крыльях. Сама...

Знаешь, В Природе полно подобных примеров, это и пятна в окраске и формы и полосы, но их владельцы сами не знают, откуда все это взялось.

Но ты помни всегда «*Правило бабочки*». Правило бабочки является доказательством существования Создателя, Его

Намерений и Его Чувства Прекрасного. Просто вспомни глаза на крыльях и поймешь, что Создатель Один. Нет ничего, что не было бы Создано не Им. А потому, когда кто-то говорит, что вот это создал Творец, а это «от Дьявола», то это разделение – полнейшая чушь!

Все Сотворил Тот, Кто нарисовал на крыльях бабочки «глаза», и Кто подарил мне такую красоту на моей змеиной коже. А те, кто считает, что доказательств существования Создателя нет, просто слеп. Они не видят Красоту и Мудрость этого Мира, они не видят Кисть Создателя, не замечают Его почерк, не чувствуют насыщенность Его палитры. Поэтому, глядя на Картину Мира, думают, что все на ней появилось само по себе, а Художника, раз Его на картине нет, не существует. Слепые глупцы даже не догадываются, что сами являются лишь Его рисунком на Картине Мира...

Но вернемся к нашему разговору. Я вот о чем хотел с тобой поговорить. У меня к тебе предложение будет.

Знаю, ты спальенку свою превратил в свой маленький Рай.

Барби на картине в это мгновение застонала и задрожала в сладкой истоме. Она ласкала себя, теребя пальчиками свою Лодочку.

Змей продолжал:

– Мне нужен здесь на Земле свой человек... да, и просто Друг.

Змей Искуситель

Это должен быть достойнейший из представителей рода человеческого. С Другом всегда есть, о чем поговорить, и ты вхож в человеческое общество, всецело не принадлежа ему. Кроме всего, у тебя есть вкус, а благодаря своим поискам той Единственной, ты научился видеть предназначение каждого Цветка в Раю. Ты видишь движение Энергии, сам не подозревая об этом. Так что, ты согласен стать моим Другом? Я спросил потому, как у всех в Раю должен быть Выбор. В том числе и у тебя.

Ты пока немного видел, мало знаешь, но этого достаточно, чтоб принять свое решение.

– А если я откажусь?

Мне показалось, что Змей улыбнулся.

– Ничего страшного. У меня есть Целая Вечность в запасе, чтоб найти себе Друга. А ты всегда можешь вернуться в свой автобус.

Он сделал паузу. Я почувствовал, как в душу возвращается ужас, посетивший меня в автобусе.

Выгляни в окно, он сделал круг и теперь возвращается...

Мне не нужно было проверять его слова. Я знал, автобус будет там или еще где-нибудь. Но он есть. Этого было больше чем достаточно.

– Я СОГЛАСЕН!

Я согласился, хотя и не представлял, чем мне предстояло заниматься.

– Не волнуйся, – успокоил меня Змей. – Тебе понравится. Ты создан именно таким, каким необходимо. В тебе недостаточно опыта, но есть все нужные качества. А со мною не соскучишься. Да и Вечность у нас впереди...

– Позволь один вопрос?

– Валяй!

– Я вот о чем подумал. Если я перебираю женщин, влюбляясь то в одну, то в другую, и ты говоришь, что это благодаря Искушению, то есть тебе, значит и то, что они уходят к другим, прельщаясь кем-то в этот момент, это тоже благодаря тебе. Я их теряю. Скажи лишь одно. У меня есть моя Вторая Половина? Где она? Кто она? Я найду ее?

Змей опять улыбнулся.

– Эй, эй... это уже не один вопрос, а несколько. Скажу тебе лишь одно. Ищи! Все только начинается...

И он сверкнул чешуйками на коже.

– Посмотри, как Барби одиноко одной... И помни:

У ХОРОШЕГО САДОВНИКА МНОГО ЦВЕТОВ.

Но имея право на Выбор в Раю, он иногда выбирает Один. Любимый.

Барби на картине сидела вся мокрая. Ее Лодочка была раскрыта.

Яркая и влажная, она источала капельки масла на холсте. Глаза Барби, впрочем, как Змея и Евы, были закрыты.

С рождения в меня были вложены понятия об Истинной Дружбе. И я знал: Настоящий Друг меня не оставит, не бро-

сит... Никогда.

До утра я утонул в своем кресле и в чувстве всепоглощающей Любви к своему новому Другу.

Все только начиналось.

Глава 6. Лука

Сон, увиденный мною в ту ночь, был в крайней степени необычен, явственно чувствовалось присутствие Кого-то большого и древнего.

Я догадывался Кого. Думаю, Змей решил мне что-то показать, хотя скрытый смысл его урока я тогда до конца не понимал. В процессе сновидения ко мне пришло чувство, что увиденное в ту ночь является частью, крупницей мозаики, составляющей общую картину Бытия.

От меня требовалось лишь внимательно смотреть и все запоминать. Поэтому я быстро расслабился и решил, что просто буду получать удовольствие от происходящего во сне. Мне снились древние поселения где-то в Азии. Каменистая негостеприимная земля, больше напоминающая сошедший с гор сель, покрытый островками желтого песка.

Было непонятно вообще, как в таком месте могли жить люди. Лишь голая выжженная степь и покосившиеся глиняные мазанки напоминали скорее норы, чем человеческое жилье.

Солнце клонилось к закату...

Во дворе, у своей бедной хижины, где рос старый карагач, на камне сидел старик. Его кривой посох совсем обветшал, а тело болело от праведных трудов. Он работал всю жизнь и вот, состарился. Теперь старик лишь мог сидеть, словно

старый больной пес в ожидании смерти. Он замер в оцепенении, глядя вдаль.

Но его думы вдруг прервал порыв степного ветра. Он был такой сильный, что мимо старика пронеслись колючие клубки перекати-поля. В мгновение небо над головой потемнело, и он нахмурил брови от предчувствия чего-то нехорошего. Старик привстал с камня, опершись на посох. Но едва он это сделал, как над его головой расступилась черная рать туч, с неба заструился поток света и раздался громopodobный властный голос:

– Авраам!..

Это был Глас Божий.

– Да, Господи...

Авраам упал на колени.

– Возьми своего любимого единственного сына Исаака и принеси его мне в жертву...

От услышанного Авраам оторопел.

– Господи, это мой единственный сын, я его так люблю, все мое благоволение в нем... Возьми лучше меня, а его оставь.

– Любишь его, говоришь, а Меня что, меньше любишь? Мне нужен твой единственный сын. Я все сказал.

Свет исчез также быстро, как появился, а порыв ветра в мгновение разогнал тучи над седой головой старика.

Неподалеку раздался звон пастушьего колокольчика. Это вернулся Исаак со стадом домой, если, правда, можно было

назвать полдюжины тощих овец стадом.

Отец встретил сына холодно. Невозможно себе представить, что творилось в душе старика. Он так часто, вознося молитвы Господу своему, говорил, что любит Его больше всего на свете. Пришел, видно, час это доказать. Господь захотел в жертву его единственного сына.

Слезы душили старика.

– Исаак! – голос Авраама дрожал.

Идем со мною! Нужно принести жертву Господу Нашему.

Авраам взял в руки веревку и нож, которым резал овец, принося их в жертву.

– Отец, а мы разве не возьмем с собою овечку или барашка? – спросил мальчик.

– Нет, Господь Сам усмотрит себе жертву... – соврал сыну старик.

Шли молча. Подъем на гору, куда всю свою жизнь Авраам отводил лучших баранов, овец и коров, был в этот раз тяжелей и длинней обычного. Подойдя к жертвеннику, он положил тяжелую руку на плечо сынишки...

– Что ты хочешь сделать, отец? – испуганно спросил мальш.

– Я принесу тебя в жертву Господу. Он так захотел. Прости, сынок. Слезы катились по щекам старика, пока он связывал сына. Хоть он и неумелыми движениями он обездвигил жертву и крепко сжал рукоять ножа. В воздухе блеснуло острое лезвие, в его блеске отразилось худенькое тельце

бедного мальчика...

Боги! Боги мои... Как же порою некоторые личности слепо доверяют голосам в их безумных головах, нежели своему сердцу или, по крайней мере, элементарной логике. Лучше бы Глас приказал возложить свои яйца на камень и разломить их другим камнем. Убелиться, так сказать, печатю малой. Но как хитер оказался этот «Глас» – «Убей сына...» (прим. автора)

В это мгновение отверзлись небеса, и Глас Божий был гневен.

– Авраам! Брось свой нож! Я не приму такой жертвы. Только последняя тварь способна на то, чтоб принять в жертву единственного сына. И неважно, будет ли это капризная прихоть или необходимость. Даже Падший Ангел не способен на такую мерзость. А ты, Авраам, кого во мне увидел?

– Не погуби, Господи! Я думал, что докажу этим силу своей Любви к Тебе... – начал оправдываться Авраам.

– Понимаю. Тогда скажи, Авраам, а конченная, последняя тварь, принявшая в жертву твоего единственного сына, достойна такой жертвы? Скажи, она ДОСТОЙНА ЛЮБВИ ВООБЩЕ?

– Я не знаю, Господи...

– Авраам! Ты туп, как этот баран!

Неподалеку заблеял запутавшийся в колючих кустах баран.

– Сердцем ты должен чувствовать, что правильно, а что

нет. Твое же сердце глухо и слепо, раз ничего тебе не подсказало. Жертву Сердца твоего я ищу, а не мяса бараньего, когда ты его от сердца отрываешь. Забирай сына своего и уходи. Барана только, смотри, не прихвати с собою, он не твой, знаю я вас.

Свет исчез. Авраам развязал мальчика и собирался, было, уйти. Он не замечал меня до этого мгновения, хотя я стоял совсем рядом.

Но вдруг Авраам попятился назад. На его лице я прочел удивление и страх. Он заметил меня. Я же, помня, что это мой сон, не стал себя сдерживать и заговорил первый.

– Что, Авраам, не принял Господь в жертву твоего единственного сына?

– А ты, Денница, Сын Зари... – заверещал старик. – Тебе-то я точно не отдам своего мальчика!

И он крепко прижал сына к себе.

– Расслабься... Я поражаюсь, как вы, люди, напичканы этим бредом с жертвоприношениями. Вам обязательно дай кого-нибудь принести в жертву. Все лучшее – в жертву! Лучше сынишку своего накорми. Забирай барана, накормишь деревню. Если Он спросит, скажи, что Денница забрал. Валите на меня. Пусть мне Он предъявляет за барана. А сын твой мне не нужен, и жертвы от вас не нужны! Меня в ваши кровавые делишки не вмешивайте! Твой Господь прав, мне эти дела противны, вы и так едите-то от раза к разу, вам самим хоть помогай, принимать же от бедных людей какую-то

еду вообще, не то что целого барана, для меня уже кощунство. А уж про единственного сына... Эти извращения противны не только Богу на Небе, но и мне на Земле... Вы, люди, не пачкайте наше величие своими человеческими извращениями. В жертву – сына...

– Единственного..., – промолвил Авраам.

– Тем более... Знаешь, в чем моя, пожалуй, самая Бесконечная Радость, Авраам? В Свободе. Мне не нужны ничьи жертвы, я Свободен от этого. Уже хорошо, что я не слышу ваших глупых молитв и не нуждаюсь в раболепной лести.

Иногда так хорошо просто Наслаждаться Тишиной.

– Что же мне делать? – спросил Авраам. – Если я расскажу людям всю правду о том, что произошло сегодня, слава о моей глупости понесется далеко за пределы нашего селения.

– Говори, что хочешь. Все равно ты совершь. Создатель преподал человечеству Урок, который люди все равно не усвоят. Поймут не так, по своей слепоте и глухости Сердца. Создатель спросил у тебя: «Достойна ли тварь, принявшая в жертву **единственного** сына Любви?» И что Господь не принял такую жертву, показав, как надлежит поступать и детям человеческим. Но ты ничего не понял, решив, что твой род значит очень крут, раз Господь говорил с тобой. И чувство собственной важности, непомерно раздутое у тебя после этой встречи на горе, не позволило понять сей Урок. Просто однажды люди захотят принять в жертву Единственного Сына Самого...

Но я не успел договорить.

Меня потянуло назад, и я проснулся...

Я проснулся утром, сидящим в своем кресле, на том же месте, где я уснул накануне. Я помнил все до мельчайших подробностей, что произошло. Мой разум старался придумать свое объяснение произошедшему и ударился в спекуляции.

Если грибы обладают собственным развитым интеллектом и сознанием, может ли быть, что их чужеродный разум был использован Эволюцией на Земле? И позаимствован для рождения такой разумной формы жизни, как человек? Мне хотелось обсудить это с человеком, который, выслушав мои предположения, не покрутит пальцем у виска.

Такой человек был. Лука был чуть старше меня по возрасту и внешне напоминал знаменитого Феллини, сходства с которым придавали толстые линзы его очков в черной роговой оправе. Добрейший от природы, он имел пытливый ум и зеркальную лысину. Работал Лука программистом и компьютер знал досконально. Впрочем, звали его Серега, а Луку он получил от своей фамилии. Лукьянов. Я набрал его номер.

– Серега, ты дома? Я скоро заеду, надо кое-что обсудить.

– Конечно, заезжай, Сань.

Я не заставил себя долго ждать. Лука встретил меня на пороге квартиры раздухаренным и каким-то просветленным.

Я прошел в его комнату, которая являлась одновременно и спальней, и кабинетом, и столовой. Третью всего пространства занимало оборудование его компьютера. Круглосуточно гудя, свистя и шипя, оно имело от Луки свою, отдельную жизнь. Периодически загорался огромный монитор, очевидно, выводя какую-то нужную Луке информацию. В углу, под потолком, висел маленький телевизор, хотя изображение с него лишь дублировало происходящее на мониторе. Две тяжелые деревянные колонки, через которые шел звук с компа, завершали картину и заменяли стол.

Комнатка была крошечная, поэтому сидеть можно там было лишь одному гостю, на рядом стоящем диване, где Лука обычно и спал. Пройдя, я увидел, что Лука был не один. На диване сидела дивной красоты девушка. Стройная, с длинными ногами и белыми прямыми волосами, она скромно, очаровательно улыбалась. Но что это была за улыбка!

Взглядом художника я сразу сопоставил ее с улыбкой Моны Лизы с бессмертного шедевра Да Винчи.

– Знакомьтесь, это Джоконда, а это Саня..., – представил нас друг другу Лука.

Вежливо улыбаясь, девушка кивнула мне в знак приветствия, отчего ее улыбка мне показалась еще прекрасней.

«Ну, наконец, Сереге повезло», – подумал я.

Все дело в том, что ему в жизни с девушками не везло. Разбив пятый десяток, он оставался вечным холостяком.

Дело в том, что Луке с девушками не везло. Разбив пятый десяток, он всегда оставался холостяком. Но сожалел Лука об этом лишь изредка, ведь на жестких дисках его компьютера хранились терабайты порнороликов с женщинами всех времен и эпох. Самым же ценным из экспонатов его коллекции были немые, но уже цветные порнофильмы из личной коллекции Адольфа Гитлера.

«Вот ролик, где фюрер с Евой Браун, вот, где Ева одна на берегу моря...», – любил похвастать Лука при возможности.

Очевидно, виртуальные порнозвезды с лихвой заменяли недостаток живых женщин в жизни Луки. А тут, на тебе, девушка в гостях да еще с улыбкой Моны Лизы.

Я с любопытством смотрел на нее, не отводя взгляда от ее таинственной улыбки.

Девушка надела наушники. Нити проводов потянулись к компьютеру. Присесть мне было негде, и мы с Лукой вышли на кухню. Я решил там изложить свои догадки по поводу разумности грибов.

– Серега! Срочно нужна обезьяна! – начал, было, я.

Но Лука замахал на меня руками, поднес палец к губам и выглянул в коридор, проверяя, не подслушивают ли нас.

Вернувшись, он сказал:

– Так-то, Сань, не вопрос. Но я сам с ней только недавно познакомился...

– Серега, ты не понял, – перебил его я.

– Кажется, я нашел недостающее звено в теории Дарвина. С ним все встает на свои места. Представь, что Древо Познания Добра и Зла существует! Я нашел его! Только растет это Древо вниз кроной, раскинув свои ветви в земле. На поверхность выходят лишь его плоды: грибные тела, грибы. Само же Древо является грибницей, живым, разумным организмом, обладающим собственным интеллектом. Я тут подумал, что если первая Ева была женской особью обезьяны, она съела эти грибы лишь потому, что искала пищу. Грибы начали создавать обучающие образы, Ева накормила ими самца, назовем его Адамом. Они ели, учились. Вскоре грибы научили их задаткам речи. И так животные, которые управлялись до этого лишь инстинктами, начали обретать разумность. Те же племена, у кого возможности есть грибы не было, так и остались обезьянами по сей день.

Лука сидел за столом, погруженный в глубокие раздумья. Затем снял очки и начал их протирать тряпкой со стола, которая заменяла ему полотенце.

– Это Нобелевской премией пахнет, Сань! – воскликнул он.

– Так вот, Серег, я вот к чему веду-то. Если взять сейчас обезьяну и кормить ее грибами, как думаешь, совершит она эволюционный скачок?

– Бозон Хиггса, Сань, нам найти в пустом холодильнике не светит, думаю, мы сможем развить и подтвердить эту на первый взгляд безумную теорию. Ведь Бог запретил им

есть плоды с этого Древа, они ослушались, и теперь грибы правят Миром... интересно...

– Вся сложность, Серег, в том, чтоб создать для чистоты эксперимента все необходимые условия. Другими словами, чтоб обезьянке самой приходилось добывать пищу, обустривать жилище...

– Ну, с этим, Сань, проблем то не возникнет, думаю. Я сейчас без работы, временно, мне и самому кушать хотца...

Лука снова провалился в свои мысли.

– Серег, я гляжу, ты не один, давай позже словимся, не хочу вам мешать.

– Да, Сань, давай, нужно будет сначала на себе проверить эти чудо-грибы.

И он отправился к своей Джоконде.

Я обулся и зашел в его комнату попрощаться. Девушка сидела на том же месте, таинственно улыбаясь.

«Восхитительно», – подумал я про ее улыбку.

– Ладно, Серег, я пойду. Так что насчет мартышки?

Услышав мой вопрос, девушка заметно оживилась, ее глаза засверкали и... она широко улыбнулась. Я, как стоял, так и замер на месте, как вкопанный. У нее не было зубов.

– Так вас будет двое, мальсики?

Луку это ничуть не смутило, меня же и след уже простыл.

Лука, старый прохиндей! Я выбежал к лифту, не в силах удержаться от хохота.

Старый извращенец, мальсик нашелся, в лысине вечность

отражается, а все туда же... Я выбежал из дома Луки, с большим от смеха животом.

В приподнятом настроении я отправился домой.

Сев на попутную маршрутку, пробрался на заднее сиденье к окну. Город, словно муравейник в час пик, не оставлял никаких шансов добраться до дома быстро и без пробок, зато у меня появилось время, чтоб обдумать все детали произошедшего со мной за последние дни. Встреча с беззубой Джокондой при глубоком рассмотрении приобретала философский оттенок.

Красавица и Чудовище гармонично сочетались в этой одной девушке. Я пытался изречь это в какой-нибудь мудрости, но получалось плохо.

«Красота и Безобразия в жизни, порой живут по соседству».

Но, едва я вспоминал бессмертное творение Леонардо, как возникало что-то вроде «Если прикрыть Безобразия, возможно, родится Красота».

...Вялый ход моих мыслей прервала зазвучавшая из динамиков маршрутки композиция.

Я сразу узнал ее аккорды. Это была песня Крематория «Безобразная Эльза». Она, как нельзя, кстати, подходила к этой ситуации и к Джоконде вообще:

Безобразная Эльза
Королева флирта,

С банкой чистого спирта
Я иду к тебе...

Я придвинулся ближе к стеклу, чтоб никого из пассажиров не смущать появившейся у меня улыбкой.

Мне представлялся Лука, вдохновенно стоящий на пороге своей спальни, где на диване сидела, улыбаясь беззубым ртом, Мона Лиза, в миру Джоконда. Лука радостно обнимал десятилитровую банку со спиртом...

Ведь мы живем для того,
Чтобы завтра сдохнуть...

Вторило из динамиков. Очевидно, я заснул на заднем сидении маршрутки, так как вершины сосен, видневшихся вдали, начали приближаться. Они приблизились настолько, что я уже разглядывал ветки.

Одну из них, закрыв глаза, обвивал Змей. Я думал, он спит, но он вдруг произнес:

– Я хотел бы поговорить с тобой о твоём сне.

Я сразу вспомнил приснившийся накануне странный сон с Авраамом. Возникало чувство, что происходившее имело какое-то отношение к тому, чем мне предстояло заниматься в Вечности. Я поделился своими догадками со Змеем.

– Ты прав. Урок, который ты получил, был не для Авраама, Исаака и даже не для всего человечества. Это было только для тебя.

И содержание увиденного тобою тоже не столь важно. Смысл Урока в том, чтоб научить тебя свободно действовать в разных ситуациях, в разных мирах и с разными историческими личностями. Ты должен уметь общаться с ними. И что касается Урока с Авраамом. Есть несколько моментов, на которые я хочу тебе указать. Во-первых, старайся выражаться корректно. Какие такие «человеческие извращения»? Хотя смысл ты уловил правильно и ответил как нужно, но подбери слова покрасивее. Помни, что в некоторых случаях твои слова застынут в Вечности и войдут в анналы Истории. Поэтому взвешивай каждое свое слово.

Сила, от Имени которой ты будешь говорить и действовать, настолько Величественна, что нельзя допускать, чтоб Ее Величие принижалось подобными недостойными выражениями. С этим все. Теперь, во-вторых. Не будь таким многословным. От количества сказанных Аврааму слов твое появление не приобретает больше смысла. И, наоборот, ты мог сконцентрировать свою мысль в одном единственном слове, а не распалять ее почем зря. А мог бы вообще молчать. Джоконда, если б ни открывала рта и молчала бы, оставалась бы самой загадочной женщиной, а не упала бы в твоих глазах до банальной проститутки.

– Как верно у тебя получается говорить.

– И у тебя будет получаться. И, в-третьих. Ты не должен оправдываться перед людьми и не должен им рассказывать о себе. Ты вообще им ничего не должен. Ты все понял?

– Я понял, что все испортил. Я, наверное, не подхожу для той Миссии, к которой ты меня готовишь. Столько ошибок я допустил, столько делаю не так.

– Это от того, что у тебя мало опыта, и ты до конца не осознаешь свою Сущность. Есть еще один момент, пожалуй, поважнее перечисленных мною. Ты не должен раскрывать Человечеству всех карт. Если Создатель раздал людям экзаменационные билеты, Он сделал это, чтоб каждый по отдельности ответил на поставленные вопросы в сердце своем, а тут, в момент, когда экзамен еще не закончен и ученики еще думают, появляешься вдруг ты и, зная, что никто из них так и не сдал, вдруг заявляешь: «Правильный ответ такой-то, все равно не сдадите...»

В этом ничего странного нет. Это твоя человеческая природа спешит на помощь людям. И пока ты с этим не справишься, ты можешь подталкивать к правильному ответу одним лишь своим присутствием, А если не подтолкнул, объяви им: «Ответ неверный». Поверь мне, из твоих уст это прозвучит, как «Добро пожаловать в ад!»

– Кажется, я начинаю понимать...

– Ничего, недостаток твоего опыта с таким Учителем, как я, мы быстро устраним. Смотри, следующий Урок будет посложней. Да и собеседник у тебя будет не старик с мальчиком, а куда интереснее. А главное, – это то, что эта Встреча сразу отпечатается в Истории человечества и Вселенной.

Поэтому выбирай выражения. Помни про высокий штиль.

Не нужно говорить «сожрал», говори «вкусил»...

– Я понял.

– Надеюсь, ты будешь безупречен. А пока отдохни, отвлекись, отрешись от дел, займись живописью, съезди куда-нибудь, развейся...

И не напрягайся. Успех должен приходиться легко, играючи... Иначе не останется сил им насладиться.

– Ваша остановка? Молодой человек!

Меня разбудили. Я едва не проспал.

Выскочив из микроавтобуса, я заторопился домой. Было необходимо закончить работу над одной картиной. Ее чудные образы согревали мне душу с ранней юности. С первого класса школы мне очень нравилась одна девочка из параллельного класса. Позже, когда наши классы совместили в один, эта симпатия переросла в Первую Любовь. Любовь трогательную, Любовь, когда сам еще не можешь понять, что с тобой происходит, ведь такого опыта в жизни еще не было. Первая Любовь обязательно должна была отразиться на полотне. Так, словно выплывая из памяти, рождался нетленный шедевр «Писающая Ксения».

Глава 7. Писающая Ксения

Не знаю, догадывалась ли девушка о том, что я влюблен в нее, но я старался ничем не выдать своих чувств. Так пролетела школьная пора, и мы повзрослели. Настало время выпускного бала. Заранее, в тайне от родителей и учителей, прикупив ящик «Хванчкары», дешевого красного пойла, и взяв на прокат четыре туристические палатки, мы решили отметить окончание школы на природе.

Сам выпускной прошел как и все выпускные, душный вечерок был пропитан скукой. Поздно вечером, когда пришла пора расходиться, мы собрали со столов все несъеденное. Ведь на дворе стоял «голодный девяностый». Забрали спрятанные ранее палатки и отправились встречать в лес первые три рассвета своей взрослой жизни.

Шли пешком. Девушки не имели возможности переодеться дома, родители не отпустили бы их. Поэтому они были в бальных платьях. Глубокой ночью мы вышли к плотине на границе с бескрайним девственным лесом. Как ни испугать уставшие в пути молодые тела?

Девушки, разумеется, были без купальников, но ночь темная, и, скинув тесные одежды, все попрыгали в парную воду плотины.

Мы плескались как боги. Впереди была вся жизнь, юность бурлила кровь, впереди были три дня самостоятельной жизни.

ни без поучающих родителей и назойливых учителей.

Купаясь, мы и не заметили, как светало.

Над водой поднимался густой пар, он окутывал наши тела. Парни, словно настоящие джентльмены, отвернулись и ждали в воде, пока девушки одевались. Затем вылезли и мы. Ночное купание придало нам сил, и мы исчезли в лесной чаще.

Найдя хорошее местечко, недалеко от лесной речки. Речкой «Синичку» было назвать трудно, скорее, это был ручей, глубиной в метр и шириной в два. Студеная вода была чиста и прозрачна.

Мы разбили лагерь. Парни, считавшие себя в классе крутыми, решили сразу напиться, не делаясь с теми, кто не скидывался на вино, в число коих входил и я. Но мне было все равно до их пьяной компании, ведь у нас была гитара, кассетный магнитофон и большинство класса было с нами. Удручало лишь то, что моя Тайная Любовь в школе гуляла с одним из тех заводил.

Здесь же она тоже не разделяла их пьянку и была с нами.

Весь день все отсыпались после выпускного и ночных купаний, а к вечеру, когда «лидеры» упились и попадали без чувств, мы устроили танцы у костра. Это был незабываемый момент. Играла медленная композиция Сэм Браун «Stop!», и меня пригласила Она. Ее звали Ксения. Я не верил в происходящее. Она положила мне свои руки на плечи так нежно, что, казалось, земля уплывает у меня из-под ног. В свете

костра ее глаза казались еще прекраснее. Мы медленно танцевали в Ночи, когда же закончилась композиция, она меня поцеловала и шепнула:

– Спасибо...

В этот момент я почувствовал, что жизнь прожил не зря...

На следующее утро она мне сказала:

– Может, сходим на ручей, помоем посуду?

– Пойдем.

Мы взяли миски и ложки и отправились вдвоем на ручей. Выбрав подходящее место с поваленным деревом, заменившим мостик, она вдруг сказала, что не против окунуться. На Ксюше была черная шелковая рубашка, доходившая ей почти до колена, и джинсы.

Но наше отсутствие не осталось незамеченным в лагере, и в чаще послышались приближающиеся девичьи голоса. Пришло несколько девчонок. Тупой вопрос: «Что вы тут делаете?» И одна из пришедших одноклассниц вдруг заявила мне:

– Отвернись!

Не знаю, что она собиралась делать, я отвернулся и увидел свою Ксению. Снятые джинсы и трусики лежали на утренней траве, а она стояла по грудь в студеной воде. На ней была ее черная шелковая рубашка.

– От меня ты можешь не отворачиваться, – разрешила мне Ксения и улыбнулась.

Какая-то позади одноклассница не оставляла мне выбо-

ра. И от Ксении я не отвернулся.

Шелк быстро намок и сделался прозрачным. Ее девичья грудь была неземной красоты. Упругие сосочки прилипли к мокрой рубашке и выдавались двумя восхитительными бугорками. Идеальный животик. Ниже, сквозь шелк, был виден Ксюшин мокренький пушок...

Я помог ей выбраться из воды. Ей было холодно, а дрожал я от увиденной красоты. Моя Любовь, Ксения, так мне хотелось прижать ее к себе и согреть, но я знал, что какие-то обломщицы позади сразу все расскажут пьяной компании качков.

Пока Ксюша одевалась, она смотрела мне в глаза и улыбалась. Что в этот момент творилось у меня в душе, невозможно описать словами.

Мы собрали посуду и вернулись в лагерь.

День и ночь пролетели за песнями и консервами у костра, а под утро я ушел один встречать Рассвет. Хотелось привести в порядок мысли и просто послушать пение птиц. Я шел, пока не уперся в лесной овраг. Он был весь застлан толстым слоем старых сосновых иголок, и я уселся на середине противоположного склона, чтобы смотреть Солнцу в лицо, когда оно начнет всходить.

Туман стелился у самой поверхности земли. Испарения выпадали росой на молодую листву и лесные травы. Земля просыпалась. Первые лучи Солнца осветили верхушки величественных сосен. Соловьи один за другим добавляли свои

голоса во всеобщее Торжество Весны. Влюбленное юношеское сердце пело под эту Симфонию Жизни. Я пытался сочинить стихи, посвятив их Ксении, как вдруг, на противоположном склоне увидел Ее. Она пришла туда писать. Мне стало крайне неудобно, что я оказался не вовремя и не в том месте.

Я сидел не дыша. Она была лишь в своей шелковой рубашке и трусиках. Скинув их, Ксения присела напротив, над оврагом. И хотя я сидел ниже ее и нас разделял овраг, я боялся, что биение юношеского сердца меня выдаст. Полы ее рубахи спадали по бокам, прикрывая ее. Ксения заметила меня, когда уже начала писать. Но это не смутило ее. Она широко улыбнулась и, видя мое смущение, игриво приподняла рубаху. Утренние солнечные лучи коснулись ее струйки и капельки засверкали, словно бриллианты, украшающие и без того совершенную красоту ее девичьего тела.

Боже мой! Блеск этих бриллиантов, тогда в Лесу украсивших Любимую, стал в жизни гораздо ценней всех драгоценных камней всего мира. Если б передо мною поставили выбор: вернуться в тот Лес и насладиться их Красотой или стать обладателем алмазных Соломоновых копей, я не раздумывал бы ни секунды... Я променял бы блеск золота всех храмов и церквей на блеск от влаги в том лесу. Вот это была воистину потрясающая Картина!!!

Я созерцал, как Солнце играет стружкой Любимой девушки и заставляет светиться поднимающийся пар от горя-

чей влаги, и от восхищения не мог шелохнуться.

Ксюша захихикала и, приподняв рубашку еще выше, слегка наклонилась вбок, открыв моему взору всю свою Юность и Красоту девичьего тела. Она закончила писать, и мы встретились взглядами...

Через мгновение уже бежали друг к другу. Встретившись на дне оврага, мы жадно впились друг другу в губы.

Мы целовались так страстно, что нам просто некогда было дышать. Я с силой прижал ее к себе, и, обняв за холодную мокрую попу, мы упали, утонув в мягком ковре хвои, не прерывая страстных поцелуев.

– Ксю... ты такая холодная снаружи... и ...О, Боже... Такая горячая внутри...

Время остановилось. Кажется, что даже птицы перестали петь.

Когда я вышел из нее, все вокруг было окутано паром. Парила и Ксения и я.

Я понял тогда, как сильно я ее Люблю.

Тогда, в овраге, я пытался написать стихи и посвятить их ей. Но не смог. Ибо для подлинно красивой Поэзии, которая трогает душу, нужна капля Грусти. Позже, гораздо позже, когда Грусть по Ксении появилась, я написал:

Я все тот же затерянный странник,
И, как прежде, мечтаю я в Дым...
Ни о чем в жизни я не жалею,
Лишь о том, что не быть молодым.

И узором красуются шрамы,
Лишь на теле, в Душе боли нет.
Все стирает уставшая память,
Весь угар беззаботных тех лет.

Эти годы летели, как птица,
Всех почти, кого встретил, забыл,
Как забыл, сколько было тех Женщин,
Тех, что в жизни когда-то Любил.

Но, во сне иногда убегаю,
В той весны зеленеющий Лес,
Ухожу и брожу бесконечно.
Под звенящие своды Небес.

Часть меня где-то там затерялась,
Знаю лишь, что когда я умру,
Я уйду Навсегда и Навечно
Ту девчонку ласкать поутру.

Где ручья леденящие воды,
Вдаль уносит прозрачный поток.
И где падали девичьи росы,
На тот черный рубашковый шелк.

Я Счастлив, что у меня есть Ты, моя Первая Любовь. Та-
кая чистая, такая Вечная... Но вот о чем я жалею, так это
не о том, что сделал, а о том, что я *этого* не сделал. Я жалею,

что так и не признался Ксении, что Люблю ее. До сих пор. Урок, как нужно жить, чтобы ни о чём не жалеть на смертном одре.

Картина была почти готова. Оставалось лишь дожидаться, пока высохнет дамарный лак и заказать для моей «Писающей Ксении» красивую золоченую раму. Игривость писающей девушки, искушающе поднявшей полы черной шелковой рубашки и слегка отклонившейся в сторону, сопровождалась на полотне игрою солнечного света. Свет пронзал кроны деревьев, заставлял светиться поднимающийся утренний туман и пар.

Свет игрался со струйкой девушки, создавая впечатление, будто Ксения писает светом, писает струйкой Солнца. В благодарность своей Первой Любви за то, что она для меня сделала, своей Красотой сразу поставив на место все материальные ценности, все золото мира, я взял золотое колечко с двумя маленькими бриллиантиками, купленное когда-то для Ксении, но не пригодившееся, и иглой разжал золотые лепестки, державшие камни.

Два маленьких диаманта, приклеившись на невысохший лак, застыли на струйке Ксении двумя маленькими искорками света...

В это мгновение зазвонил телефон. Я узнал по голосу паренька с Московской Мотогвардии.

– Сань, привет. На Байк-шоу поедешь? Мы тут собираем-

ся... Наши все поедут. На три дня.

– Не знаю...

Если надумаешь, приезжай к старому зданию Секстона, который на Соколе сгорел. Знаешь?

– Найду.

– Ну, покушать возьми чего-нибудь с собою. Оттуда поедем в снятый Ночными волками заброшенный пионерлагерь под Москвой. По Дмитровке, колонной... А там в лагере рок-группы будут, зажжем по полной...

– Почему бы и нет..., – подумал я, вешая трубку.

Я взглянул на картину.

– Ксения, ты Прекрасна!

Ее игривая струйка восхитительно заискрилась переливами бриллиантовых граней.

Глава 8. С Евой в раю

*Твои бедра в сияньи луны
Так прекрасны и мне так нужны.
Кровь тяжелым напором ударит
Прямо в сердце мне.
Груди плавно качнутся в ночи.
Слышишь, как мое сердце стучит.
Два пылающих тела
Сольются в ночной тишине!*

Ю-Хой. «Беседы о Свете и Темноте»

Я решил съездить развеяться, как и советовал мне Змей. Хотелось привести в порядок мысли, да и просто отдохнуть от всего. Для поездки на Байк-шоу я выбрал мотоцикл повышенной проходимости. Дутые колеса моей черной Тулы как нельзя лучше подходили для езды по бездорожью и лесным тропам.

Единственная проблема возникала с пассажиром. Вставала извечная дилемма, кого взять с собою в дорогу. С одной стороны, если взять друга, то в случае, если техника подведет, вдвоем нам будет легче катить сломанный мотоцикл или отремонтировать его на месте, если поломка незначительная. Но если, с другой стороны, взять с собою красивую девушку, можно вообще никуда не катить, ибо в одиночку далеко не укачишь. Зато с девушкой будет теплее коротать ночи

на природе, ночи, пропитанные духом приключений, Свободы и Любви...

Я отправился в магазин закупить продуктов на три дня. Купив самую большую охлажденную индейку, я уже направлялся к кассе, как столкнулся лицом к лицу с Евой. Не заметить ее было трудно, молоденькая девушка была от природы награждена редкой красотой, и в качестве модели ее внешность использовал один глянцевого журнала.

Обычно девушка была холодна со мной, возможно, потому, что мы встречались в консервативной компании, а, может, она уже успела вкушать гламура красивой жизни, и мотоцикл не отвечал ее высоким критериям.

Ева заметила в моих руках индейку и посмотрела на меня вопросительно.

– Собрался на Байк-шоу... вот.

– Везет..., – ответила она и улыбнулась.

– Ехать только не с кем. Три дня в Раю... палатка... индейку зажарим.

– Не хочешь поехать? – на всякий случай спросил я.

– А когда? Я бы с удовольствием. Вдвоем?

Сердечко у меня забилося чаще.

– Завтра. Вдвоем.

– А... поехали!

Я не мог об этом и мечтать. На постере журнала она выглядела великолепно. Впрочем, как и в жизни.

Мы договорились, что я заеду за ней на следующее утро.

Я вышел из магазина с чувством, что жизнь прекрасна и что ближайшие три дня обещают принести много хороших впечатлений. Главное, это было продумать все до мелочей заранее, чтоб на отдыхе ни о чем не беспокоиться. Палатку я решил не брать, по причине громоздкости багажа, вполне можно было обойтись двuspальным мешком. Оставалось выбрать достойное вино к индейке. Непрестало угощать даму пивом или водкой.

Единственная возникшая проблемка – автономная музыка. Под рукой ничего подходящего не нашлось, и я поехал на радиорынок. Заодно проверил готовность мотоцикла переносить длительные переезды. На радиорынке, увидев переносную стереомагнитоу, черный бумбокс, подумал:

– Гулять, так гулять...

И, примотав ее купленной тут же изолентой к рулю мотоцикла, отметил его грозный вид.

Все было готово, правда, покупать в дорогу вино в бутылке я не рискнул, его заменило «красное мускатное» в картонной коробке-пакете.

Наступило утро следующего дня. Выкатив мотоцикл на улицу и снарядив его всем необходимым, я натянул косяху, «вторую кожу байкера» и индейские мокасины. Мне нравилась их мягкость и бесшумность в лесу, и в них нежарко, в отличие от казаков. Не забыл и для девушки пристегнуть к сиденью второй шлем.

Подъезжая к ее дому, я был приятно удивлен. Ева уже

ждала меня на улице. Высокая, стройная...

– Идеальная пассажирка, – подумал я. – С такой не стыдно ехать.

И я протянул ей шлем.

Мы мягко тронулись с места. Я затылком почувствовал сквозь пластик восхищенные взгляды ее родственников, провожавшие нас из окон ее дома. Едва мы въехали в столицу, как пристроились к группке байкеров, едущих к месту сбора на Сокол.

Остановились во дворе на подъезде. Сотни мотоциклов уже собирались стартовать за город. Сигналы на все лады, и вот многотысячная колонна уже вальяжно дымит, растянувшись по Дмитровскому шоссе на тридцать километров. Вдоль всего пути встречались у дороги группы девушек, которым тоже хотелось попасть на шоу. Мотоодиночки притормаживали, кто-то брал попутчиц.

Но я был счастлив, осознавая, как мне повезло, так как знал, что такой фотомодели, как у меня, у дороги не найти. Двигатель работал ровно, наполняя меня приятной вибрацией. Доехав до лагеря, спешили: слишком узкий въезд. То здесь, то там были слышны крики парней байкеров на своих девушек:

– Дура!... Сцепление плавно!

Въезд стоил денег, но, если за рулем девушка, въезд был то ли бесплатный, то ли со скидкой.

– Решили сэкономить, – прокомментировал я Еве. Неуме-

лые попытки девушек заехать внутрь лагеря за рулем вызывали всеобщий восторг и безудержный смех. Одна протаранила дерево, другая забыла про тормоза...

Подъехали и мы к входу, но, прочтя у ворот правила, я понял: индейка пропадет. Жечь костры на территории лагеря строго запрещалось. Да и не об этом я мечтал...

Мы отъехали в сторонку обдумать наши дальнейшие действия. Ева была уже рада, что вообще поехала, и ей было все равно. Я задумался и включил бумбокс. На радиоволне играла Ария. Перебор гитары и песня, звучащая из колонок, отпечатались в тот момент в моей душе.

Но он исчез, и никто не знал,
Куда теперь мчит его байк,
Один приятель нам сказал,
Что он отправился в Рай...

Это был «Беспечный Ангел» Арии. Услышав слова песни, я повернул ключ династартера.

Ты – летящий вдаль... вдаль Ангел...
Ты – летящий вдаль,
Беспечный Ангел...

Мы выехали опять на шоссе и, оставив позади толпу, «встали на крыло». Через час езды, когда закончились одинокие деревеньки и начался лес, мы свернули с дороги.

Въезжая в Лес

В лесу Тула чувствовала себя словно в родной стихии. Девушка приятно обнимала меня обеими руками, и, главное, на десятки километров вокруг не было ни души. Мы ехали по лесным тропинкам, переваливаясь толстыми колесами через корни вековых деревьев, пока не уперлись в лесное озеро. Тут решили и остановиться. Мотоцикл я прислонил к ели, по опыту зная, что мягкая лесная почва не даст поставить его на подставку.

Пока разводил костер, Ева достала индейку и вино, с недоумением взглянув на меня. Я же достал из бардачка мотоцикла пачку «Беломора». Ева едва это увидела, сразу все поняла и, улыбнувшись, не стала задавать лишних вопросов, лишь молча, вылила все вино в пакет с индейкой. Костер горел, индейка мариновалась в вине, а я, с любовью, забивал длиннющий косяк.

Неподалеку журчал впадавший в озеро ручей. Тихо играла музыка. Небесный купол над нами наполняло звенящее пение птиц, а жар костра приятно согревал душу, летящую ввысь вслед за дымом косяка. Прекрасная Евина грудь наполнялась этим дымом, и ее точеные губки уже не могли удержаться, расплываясь в широкой улыбке, обнажавшей ее белоснежные зубки.

Мы курили, выдыхая вверх, и созерцали, как Дым, наполнявший еще мгновение назад наши бранные тела, несется ввысь, где встречается с дымом костра, и, обретая Свободу,

тает в Вечности... Сумерки опустились на нас так же незаметно, как и чувство голода. Из двух рогатин и сырой ветки я соорудил вертел для индейки. Предварительно натертое солью и перцем, мясо отлично промариновалось в терпком сухом вине.

– Схожу, искупаюсь..., – нарушила молчание Ева.

Я же устроился у костра поудобнее и, медленно покручивая вертел, задумался о том, как много в мире супермоделей с именем Ева, и, возможно, лишь Единственная из них так близка мне по духу.

Тихо играла музыка, индейка начинала подрумяниваться. Капельки жира, стекая, медленно падали на горящие угли, шипели и испарялись ароматным дымком. Для придания картине полного совершенства не хватало в одной моей руке бокала красного вина, чтоб сквозь рубин хрусталя созерцать переливы тающих углей и мимолетность искр в узорах костра. В другой руке уже занимался второй косяк.

Увлечшись приготовлением дичи, я не заметил, как Ночь накрыла Лес своим черным одеялом. Над верхушками сосен выплывала величавая Луна.

Я выдохнул в темноту. Человеческий мир, оставленный нами где-то позади, с каждой затяжкой становился все дальше, мельче и неважней. Он сжимался до тех пор, пока не сжался в точку. Еще затяжка, и эта точка стала лишь неважной иллюзией, затерянной где-то на периферии сознания. Тут меня озарило глубокое понимание Сущности Тра-

вы Дьявола. Оно сразу облеклось в мыслеформу.

СОЗДАТЕЛЬ ДАЛ ДЬЯВОЛУ ТРАВУ, ДАБЫ ПОСЛЕДНИЙ, НАСЛАЖДАЯСЬ В РАЮ НА ЗЕМЛЕ, НЕ ВСПОМИНАЛ, ЧТО ГДЕ-ТО НА ЭТОЙ ЖЕ ЗЕМЛЕ СУЩЕСТВУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ АД.

В это мгновение из темноты к костру шагнула Она... Голая Ева. Совершенная красота ее мокрого тела наполняла сокральностью происходящее. Вдоволь накупавшись, девушка замерзла и присела на корточки у огня. На фоне жарящейся на вертеле дичи она напоминала первобытную Самку, пришедшую ночью погреться к первобытному огню. Я протянул ей тлеющий косяк. Она глубоко затянулась, и я заметил, как по нежной груди Самки пробежала волна мурашек.

Очевидно, Самка оказалась очень голодна, так как встала и одним движением оторвала индейке ногу. Капли сока зашипели, упав на горящие угли. Ева вновь присела напротив меня. Я же не отрывал взгляд от ее великолепного тела, наслаждаясь первобытной красотой голой Евы. Мой замороженный взгляд от ее девичьей груди скользнул ниже и замер на самом сокровенном. Капли озерной воды искрились на ее девичьей промежности.

Не обращая на меня никакого внимания, голодная Самка грызла индюшачью ногу. По ее подбородку бежал ее кровавый сок.

Время остановилось. Я не заметил, как из одежды на мне остался лишь клык, висящий на шее на шнурке. Самка с упо-

ением рвала белыми зубками мясо, затем обернулась ко мне, и я уловил в ее взгляде искры первобытной страсти. Она изящно изогнулась, словно дикая черная пума и на мгновение замерла, закрыв глаза, но, не отрываясь от добычи. Сжав ее узкую талию обеими руками, я вошел в нее сзади, по-звериному, сильно и жестко. Раздался протяжный стон...

Шум деревьев и Ветер ночной
Стон заглушат, твой и мой,
И биение Сердца
Пылающего адским огнем...

Упираясь о землю одной рукой, Самка грызла кость другой и рычала, словно у нее собирались отнять добычу. Она изгибалась в такт моим движениям, и мне показалось, что мы перенеслись в каменный век. Но как совершенны были изгибы ее юного тела, освещенного светом костра. Как Красива она была в эти мгновения! В какой-то момент Хищница открыла глаза. В ее вертикальных зрачках отразились языки пламени. Лишь костер да огромная Луна стали свидетелями нашего умопомрачительного соития.

Мы не стали одеваться. Журчанием ручья лесное озеро манило наши разгоряченные тела к омовению. Держась за руки, мгновение мы стояли у самой кромки зеркальной глади, наслаждаясь видом. От наших ног убегала вдаль лунная дорожка. Царство тишины вокруг нарушало лишь пение цикад. Мы шагнули вперед. Дыхание перехватило то ли

от прохлады воды, то ли от осознания происходящего. В воде Ева напоминала сказочную русалку. Из жесткой дикой самки она превратилась в нежнейшее создание. Обняв меня за шею, она неотрывно заглядывала мне в душу влюбленными глазами. Затем, прижалась ближе, обняв меня стройными бедрами, и поцеловала в губы.

Я лишь почувствовал, как медленно и нежно вновь вхожу в нее. Лунная дорожка едва колыхалась, наши плавные движения, напоминавшие медленный вальс, не нарушали незыблемой поверхности озерной глади. Освещенные светом полной Луны, два пылающих тела слились в ночной тишине. Закончив омовение, я взял уставшую Еву на руки и вынес ее из воды. Она нежно обнимала меня, положив мне голову на грудь.

Я донес ее к нашему костру и осторожно уложил в спальник. Ночной ветерок доносил песню из бумбокса.

Засыпай,
У меня на руках засыпай,
Засыпай,
Под пенье Дождя...
Далеко,
там, где Неба кончается край,
Ты найдешь
Потерянный Рай...

Подкинув в костер пару поленьев, я прилег рядом с Евой.

В мире снов...
В мире снов...
Все Надежды и Мечты...
В мире снов...
И во сне смеешься ты...

Я обнял ее, укрыв черным бархатом своих Крыльев.

Мне снились желтые пески Палестины. Солнце беспощадно палило с зенита. Раскаленный воздух пустыни, словно жидкая лава, заполнял собою все вокруг, не оставляя жизни никаких шансов.

На одном из барханов сидел путник. Его бедная одежда, растрепанные черные волосы и неухоженная борода говорили о том, что путник провел здесь ни один день.

Что делал он в этом негостеприимном месте? Пришел ли сюда осознанно или заблудился?

Я подошел ближе и узнал сына человеческого. Его глаза выдавали нечеловеческую усталость, казалось, он был на грани безумия. Думаю, мое внезапное появление он воспринял как начинающуюся от жары галлюцинацию или мараж.

Я обратился к нему:

– Здравствуй, брат Иисус.

Очевидно, он не ожидал, что галлюцинация начнет разговаривать. Его глаза блуждали.

– Здравствуй, добрый человек, – после недолгой паузы от-

ветил он.

– Ты кто?

– Я – брат твой.

Прочтя недоумение в его взгляде, я добавил:

– Не в смысле смертный земной, но по духу.

Он посмотрел на меня исподлобья.

– У меня нет братьев, и ты не брат мне. Не мог наш Отец...

Нет греха более тяжкого, чем ограничивать Создателя в Его проявлениях. Откуда тебе знать, что Он мог, а чего не мог? Нас сотворил один Отец, в нас Его Дух. Поэтому, кто мы друг другу, как не братья?

– Может и так... И как мне называть тебя?

У меня много имен. Вечное Имя должно выражать Вечную Суть. Ты можешь называть меня Туман.

– Что выражает твое имя?

– Мое Вечное Имя выражает с одной стороны Туман – воплощенный в тело Дух, а с другой, TWO MAN – Второе Человеческое воплощение. Ты, Иисус – суть Первое Воплощение, я, Ту Мэн-Второе. Ты – суть Начало, я – Конец. Так что, зови меня просто – Туман.

– Конец чего?

– Истории с твоим появлением в этом Мире, конечно...

Видишь ли, брат Иисус, без меня ты лишь скучный миф...

Недосказанное Начало, не имеющее завершеного Смысла, не более того.

Иисус молчал.

– Скажи, лучше, брат, что ты делаешь в этой жестокой пустыне?

– Я пришел сюда бороться с Искушением... Страдая, человек очищает душу...

– Может и так. Только зачем плодить во Вселенной страдания, ища их намеренно? Чего ради? Пойми, наш Отец мечтал не об этом. Знаешь ли ты, что для того, чтоб Сотворить Мир полный страданий, нужно не так много усилий? Вот только доблести в этом мало.

– В чем же тогда Смысл Творения?

– В Наслаждении. На райской планете, в Сотворенном Раю, где можно жить, не страдая, и Наслаждаться Вечно, наполняясь Любовью к Его творениям, восхищаясь и преклоняясь пред Его бесконечной Мудростью. Люди же, не зная об этом, своими поисками собственных страданий, сводят на «нет» всю Мудрость, Любовь и Заботу Творца. И, отчасти, виновны в том «Учителя», подобные тебе. Глядя на то, как ты ищешь страдания здесь, люди удовлетворяются, страдая каждый по-своему.

В пустыне с Иисусом

Им не обязательно идти в пустыню, они научились находить свои страдания прямо под рукой. И вот уже там, где должны были расцвести Райские Сады Наслаждений, уверенно пустили корявые корни Терний Ада Страданий. Благодаря вам, «Учителям» рода человеческого, вместо Рая на Земле Ад.

Так ведь Рай же на небе...

А ты ответь мне, брат Иисус, чего на Земле не хватает, чтоб Рай был здесь?

Он опустил голову и замолчал.

– Не ответишь, потому что для Рая на Земле есть все. А благодаря твоим обещаниям людям Рая на небе, после смерти, взгляни, во что превратили райскую планету! Скотный двор. Конечно, Рай будет после смерти, Иисус обещал, если будете каяться после того, как гадили и убивали жизнь на Земле. А тут то, что это временное жилище, делай что хочешь, хочешь, сливай ядерные отходы под землю, хочешь, вырубай леса, осушай реки, уничтожай Жизнь на планете, Рай-то на небе потом будет...

Иисус обещал. Только соборуйся два раза в год, грешки замаливай, да перед смертью батюшка тебя подготовит для входа в Небесный Рай, отпустит грехи...

Просто, вместо того, чтоб сидеть в пустыне и обещать людям то, о чем представления не имеешь, обойди Землю, посмотри, как она Прекрасна! Поверь мне, я обошел ее пеш-

ком, объездил и облетел, я не видел планеты более Совершенной во Вселенной, чем Земля. Подумай, если наш Отец, Создатель, сотворивший Вселенную, поселил на эту планету Своих Любимых Сыновей, то есть нас с тобой, это о чем-нибудь говорит?

Здесь есть все для того, чтоб живущие на Земле Наслаждались Вечно.

– Если все будут Наслаждаться, что станет тогда с Миром? – воскликнул Иисус в сердцах.

– Это будет тогда самая Счастливая планета во Вселенной.

Он замолчал и потупил взор.

Я продолжал.

– А то, к чему приведет в итоге твое «учение», достойно отдельного разговора.

– Скажи мне, Туман, раз знаешь.

– Хорошо, я попробую вкратце. Начнем с того, что люди, едва узнают, чьим сыном ты являешься, захотят убить тебя, дабы уничтожить единственного Наследника Земли и самим унаследовать, прибрать к рукам планету. Один из твоих учеников предаст тебя за небольшое вознаграждение, и тебя схватят люди. Не успеет дважды пропеть петух, как самый твой близкий друг трижды отречется от знакомства с тобой. Когда судья должен будет отпустить одного из приговоренных к казни преступников, люди будут кричать о тебе:

– Распни! Распни!

И отпустят вора, ведь он свой, родной, такой же, как они,

посыгнувшие на чужую планету воры. А ты представляешь для них реальную угрозу, ты можешь помешать им, творить на Земле беззакония и передел недр.

– И что люди сделают со мною? – спросил растерянно Иисус.

– Как что? Распнут тебя конечно!

Тяжело вздохнул сын человеческий.

– Они объявят тебя жертвой Создателя им, в знак Его Любви к людям и в знак того, что больше не будет никаких Наследников.

– Что ж, чему быть... – Иисус совсем упал духом.

– Есть, правда, один выход...

– Какой же?

– Раз люди так жаждут крови и плоти твоей, предложи им, ненавязчиво так, заменить твою кровь вином, а плоть хлебом. И ты останешься цел, и люди сыты. Соберитесь с учениками как-нибудь вечером, и намекни им, что жертва может быть чисто символическая. Правда, до сих пор понять не могу, кто первый предложил принять тебя не как Сына Создателя, Наследника Рая на Земле, а как жертву? Ты ведь никому не говорил, что ты жертва, которую наш Отец приносит людям в знак Любви?

– Не говорил...

– Отец наш, тем более, так сказать не мог.

Я помню Его слова: «Вот Сын Мой Единородный. В Нем Мое Благоволение». Но, чтоб: «Виноградари! Вы такие опу-

пенные строители Рая на Земле, Я вас так сильно Люблю, что вот вам жертва сия в знак Моей Вечной Любви к вам, это Мой Единственный Любимый Сын, примите, поглотитесь, распните, пригубите, вкусите. Ни в чем себе не отказывайте, хотите, нарядите его в царя, а потом, как наглумитесь вдоволь, превратите его в кровавое месиво!» – таких слов я точно не помню...

– И ты думаешь, что если предложить им хлеб и вино вместо себя, они удовлетворятся?

Я выждал паузу.

– Конечно, нет! – воскликнул я.

– Поверь мне, твоя жертва, брат, будет напрасна. Они убьют тебя и тот – твой близкий друг, Иосиф, с которым ты делишь хлеб, будет держать чашу у ног твоих, собирая в нее стекающую с твоего тела кровь, чтоб первому вкусить ее, словно голодное зверье. Они назовут эту чашу Святым Граалем.

Иисус опять вздохнул.

– Ну, может, я погибну не зря... Ведь заповеди, которые я несу людям...

– Твои заповеди, брат, не стоят и выеденного яйца. Они противоречат мироустройству Отца нашего и уводят от Истины и без того заблудившееся человечье стадо.

– Это как?

– Ну, вот, к примеру, твое «Не убий».

Прости, не убий что? Или кого? Не твоя ли собственная

судьба призвана доказывать своим примером, что «Смерти нет»? Тогда причем тут «Не убий»? И ведь это твои слова, что «ни единого волоса на голове ты не сможешь, без ведома Создателя, сделать ни черным, ни белым»? Следовательно, на все Его Воля. А, исходя из заповеди «Не убий», Смерть, которой нет, не в Воле Создателя? Тогда в чьей воле? Людей, которым ты говоришь «Не убий»? Или Отец наш отвечает только за цвет волос, а люди за Жизнь и Смерть?

Не обижаешь ли ты Его такой своей заповедью?

Иисус молчал. Я продолжал.

– А заповедь «Не укради». Ты ведь сам говоришь людям, что все, что Создал Отец, принадлежит Ему, и Его детям, ибо в них Его Дух, Его Сущность, Его восприятие, Его Семья... Им принадлежит все во Вселенной, и люди в том числе, и то, что дает им Природа и сама Природа и жизни их и смерть. Верно?

– Верно...

– Так «не укради» у кого? Друг у друга они украсть ничего не способны. Им ничего не принадлежит. Так как можно украсть у тебя то, что тебе не принадлежит?

Про остальные твои заповеди я вообще молчу. Прелюбодеяние автоматически распространяется на всех людей без исключения... Хотя кругом все рабы Божьи, рабыни тоже не исключение, принадлежат своему Хозяину, а ты их всех в прелюбодеи...

Тут до меня начало помаленьку доходить.

– Ах, ты, Христос, ах, ты, хитрец... Так ты специально сделал поправку?! «Воры, пьяницы, прелюбодеи, убийцы, копрофаги, мужеложники, лесбиянки, скотоложники, рукоблуды, фарисеи, чернокнижники, клептоманы и другие... Рая на Небе не наследуют». Точка.

Правильно! Если на небе Рая нет, можно просто сделать вид, что он есть, но не про твою честь. И никого не пускать. Сказано же НЕ НАСЛЕДУЮТ. Каждый, подойдя к Вратам, заглянет в свою душу. А там... сколько украдено, сколько напелюбодеено, сколько съедено икры, сколько выпито... И махнешь рукой, даже стучаться и спрашивать не будешь, развернешься и поковыляешь прочь.

Так вот, знаешь ли ты, что начнется после твоей смерти? Если б ты знал... За две тысячи лет столько вина утечет...

И две тысячи лет война,
Война без особых причин,
Война, дело молодых,
Лекарство против морщин...

Сначала начнутся крестовые походы, войны за владение чашей, в которую собирали твою кровь, за копьё, которым тебя пронзали и просто за идею. Самые ярые последователи твоего учения начнут прививать так называемую «правильную» веру в ничем неповинные умы. Веру в то, что ты был жертвой. Они будут делать это огнем, крестом и мечом.

Сколько крови прольется невинной... Затем остановит-

ся развитие наук. Ибо начнется «Охота на ведьм». Сколько красивых девушек взойдет на костер... Знаешь, почему в Европе столь некрасивы женщины? Почему красота французских мужчин это толстый нелепый нос и нелепые, неправильные черты лица... почему немки мужеподобны? Да потому что благодаря религиозному рвению выжигались на кострах инквизиции гены истинной красоты человеческих дочерей... Наделена женской красотой? Мало-мальски... На костёр ведьму!!! Вот таким путём, в результате такого искусственного генетического отбора, везде, где властвовала святая инквизиция, именем Христа, уничтожалась этническая красота. Именем твоим люди долго будут наказываться за открытия в медицине, как за связь со мною. Хотя я тут ни при чем. Сколько деток умрет невинных, только потому, что могли спасти, но боялись гонений церкви... У церкви руки по локоть в крови. И всё совершается именем твоим. И войны, и всё зло на Земле-от религий... Так уж вышло, что то, что должно было наоборот человека вести к миру и Любви, к доброте и высшим ценностям, явилось самой страшной бедой человечества. И настала пора это признать.

– Но ведь если отнять у человека веру в Бога, то он станет в прямом смысле слова жрать людей и пить кровь младенцев... Его только страх перед страшным судом и адом способен удержать от последнего прыжка в духовную пропасть..., – попытался возразить мне брат.

Я рассмеялся.

– Ну что ты, право... Я вот не ем же младенцев. Не пью их кровь. И не потому, что кого-то боюсь. Никто никого есть не будет. И наоборот. Пьют кровь и едят людей *именно те*, кто переполнен религиозным бредом через край. Не из-за гастрономических же пристрастий приносятся кровавые жертвы в течение той части истории человечества, где боги что-то там от людей хотели своё и прививали «правильное» поведение. Прошёл Ангел господень, убил за ночь всех младенцев. Значит исполнен промысла божьего. Значит и пить кровь младенцев не возбраняется. Так получается? Человечество никогда не умело думать самостоятельно, поступать так, как будет по сердцу правильно, по совести. По справедливости. Не по божьей справедливости, где справедлива смерть невинных младенцев, а *по истинной справедливости, на которую способен Человек.*

– А человек способен на такую? На такую справедливость, пожалуй, способен только бог, – спросил Христос, подняв брови.

– Представь себе, способен. Я верю в людей. И боги, и страх пред адским скрежетом зубовым тут не причём. Человеческую внутреннюю меру понимания Добра и Зла не приучили развиваться самостоятельно. Изначально. Даже нельзя сказать, что эта мера у человека атрофировалась. Она никогда самостоятельно и не развивалась. Едва были «даны» свыше первые заповеди, и установки как следует жить, как появились следующие, следующие... И их смысл в ито-

ге омаразмел, понятия оплешивели. Человек сам уже давно понял, что соблюдать все заповеди, когда-то свыше данные, живя в людском обществе, просто невозможно. Пришлось бы носить с собою камни, чтоб побивать тех кто им не следует. Не побьёшь грешника-грех утаишь, а значит сам грех совершишь, за что должен быть бит на месте. Полный бред. Вот и полыхают войны на планете. Именем Бога. Взрываются террористы-именем Бога. Но никто из них не задумывается даже на мгновение: а зачем тебе 40 девственниц в Раю, если своего обрезанного дружка ты разорвал поясом смертника на миллион частей? Да и не факт, что после сделанного ты будешь нужен такой в Раю... Может, пора тушить **всех** богов, заодно и войны на планете? Взгляни на результаты деятельности религии на Руси. Всего тысяча лет вместо двух, как в Европе. И не коснулась инквизиция наших девушек. И взгляни: генетически самые чистые и красивые. Не изуродованы религиозным стяжанием юродивости. Причём, будучи в язычестве, поклоняясь силам природы, купаясь в утренней росе, катаясь нагишом в траве, рожая в озерную или речную воду и выполняя другие подобные языческие ритуалы, русские девицы приобрели и женское здоровье, что могли рожать богатырей, и женскую красоту. А потому русские женщины-самые красивые на Земле. Причём, из-за того, что языческие боги славян не слишком жаловали свои народы заповедями и указаниями, как жить нужно, человеку приходилось самому решать, что правиль-

но, а что нет. И заметь: никто людей не ел. И кровь младенцев не пил. Гольшом через костёр сигали, хороводы девицы красные водили, на лугу в цветах любовью занимались, в росе утренней купалась женская Красота... И поступали правильно, по совести. И нуждающимся помогали безо всяких заповедей «свыше». И всё было замечательно, пока не пришла к Счастливому народу твоя религия страданий...

Что дальше произойдёт? В итоге появятся храмы, где святые отцы, облаченные в злато с головы до пят, с телами, далеко не изможденными страданиями, будут напрямую зависеть от мамоны и служить ей. А патриархи... О, это особая каста, мои любимцы... патриархи, их лидеры, облеченные властью, станут освящать несущее смерть оружие и станут просто политическими фигурами.

Рыба тухнет с головы, потому их деяния смердят и на Небе, и на Земле. После смерти этих отцов им будут поставлены большие памятники, в их честь открыты новые храмы и написаны иконы. И памятники сии станут новыми идолами для поклонения толпы, новыми золотыми тельцами. Идолопоклонничество уродливой, ипертрофированной формы.

Если же ты надеешься, что человечество, благодаря тебе, стало добрее или мудрее, то оставь надежду, брат Иисус. Твое самопожертвование ничему их не научило. Издеваясь, они распнут тебя, а пройдет две тысячи лет, они так же будут издеваться и над твоим братом. Такова наша Судьба, брат.

История должна повториться. Также предадут, также отрекутся, также будут кричать «Распни!» И это мой Антикрест, но от этого он Крестом быть не перестает. Поэтому мы с тобою, прежде всего, Братья по Кресту – Крестос и Антикрест. И от твоего фурора на кресте будет зависеть и мой. Так что, завязывай со своими страданиями, брат. Я сейчас забочусь не о себе. Я воин и готов ко всему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.